

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

БЫВШАЯ ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ОРХАН против ТУРЦИИ

(Заявка № 25656/94)

СУЖДЕНИЕ

СТРАСБУРГ

18 июня 2002 г.

ФИНАЛ

11.06.2002

Это решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Он может быть подвергнут редакционной правке.

В деле Орхан против Турции,

Европейский суд по правам человека (бывшая первая секция), заседающий в качестве палаты в составе:

Миссис Э.ЛАДОНЬ, президент,
Миссис В.ТОМАССЕН,
Мистер Л.ФЕРРАРИ БРАВО,
Мистер Дж.КАСАДЕВАЛЬ,
Мистер Б.ЖУПАНЧИЧ,
Мистер Р.МАРУСТЕ,
Мистер Ф. ГЁЛЬДЖЮКЛЮ, судья ad hoc,
и мистер М.О'Бойл, Регистратор Секции,

Совещаясь за закрытыми дверями 6 февраля и 15 мая 2001 г. и 27 мая 2002 г.,

Выносит следующее решение, которое было принято в последний упомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело началось с жалобы (№ 25656/94) против Турции, поданной в Европейскую комиссию по правам человека («Комиссия») в соответствии с прежней статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Турции Салихом Орханом («заявитель») 24 ноября 1994 г.

2. Заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь в апреле 2001 года, представляли в Суде г-н Кевин Бойл и г-жа Франсуаза Хэмпсон, адвокаты, практикующие в Соединенном Королевстве, которые делегировали свое представительство г-ну Тимоти Отти, барристеру. Эти представители воспользовались помощью г-на Филипа Лича, юриста Курдского проекта по правам человека («КПЧП»), неправительственной организации, базирующейся в Лондоне, и юристов, практикующих в Турции. Правительство Турции («Правительство») было представлено главным образом их представителем г-ном Бахадыром Калели.

3. Заявитель утверждал, в частности, что солдаты сожгли и эвакуировали деревню, где он жил, на юго-востоке Турции, а также задержали и убили двух его братьев (Селима и Хасана) и его сына (Чезаира) – «Орханов». Он ссылается, в частности, на статьи 2, 3, 5, 8, 13 и 14 Конвенции вместе со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

4. Жалоба была объявлена Комиссией приемлемой 7 апреля 1997 г. и передана в Суд 1 ноября 1999 г. в соответствии со статьей 5 § 3, вторым предложением, Протокола № 11 к Конвенции, поскольку Комиссия не завершила рассмотрение жалобы. дело к этой дате.

5. Заявление было передано в бывшую Первую секцию суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). В этой Секции Палата, которая должна была рассматривать дело (статья 27 § 1 Конвенции), была сформирована в соответствии с правилом 26 § 1 Регламента Суда. Г-н Р. Тюрмен, судья, избранный от Турции, отказался от участия в рассмотрении дела (Правило 28). Соответственно, Правительство назначило г-на Ф. Гельджюкюлю судьей ad hoc (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29).

6. Заявитель и Правительство представили свои замечания по существу (Правило 59 § 1).

7. Публичные слушания состоялись во Дворце прав человека в Страсбурге 15 мая 2001 г. (Правило 59 § 2).

Перед судом предстали:

(a) для правительства г-н

М. ОЗМЕН, *Агент, Мистер*

(b) для заявителя г-н

Т. ОТТИ, *Советник, РС Р. Я*

8. Суд заслушал обращения г-на Отти и г-жи Ялчиндаг со стороны заявителя и г-на Озмена и Мутафа со стороны правительства.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Дело в основном касается событий, имевших место в мае 1994 года в селении Девебойу деревни Чаглаян округа Кулп провинции Диярбакыр на юго-востоке Турции. Из села Чаглаян дорога идет в Зейрек, к жандармерии которого примыкает село Чаглаян и его хутора. Зейрек находится на главной дороге между городами Кулп и Лидже.

Заявитель утверждает, что 6 мая 1994 г. силы государственной безопасности сожгли и эвакуировали деревню Девебой и что 24 мая 1994 г. те же солдаты вернулись в Девебой, задержав братьев заявителя (Селима и Хасана Орханов) и его сына (Чезайира Орхана) после которого эти трое родственников («Орханы») исчезли.

10. Факты, оспариваемые сторонами, Комиссия назначила делегатов, которые брали показания в Анкаре с 6 по 8 октября 1999 года.

Они заслушали следующих свидетелей: заявителя; Аднан Орхан (сын Селима Орхана); Мехмет Эмре (двоюродный брат заявителя из

соседней деревни Гюмюссую деревни Эмали); Мехмет Джан (зять Селима Орхана, проживавший в то время в Диярбакыре); Ахмет Поташ (начальник жандармерии Зейрек); Али Эргюльмез (начальник отделения жандармерии Кулпа); Умит Шеночак (заместитель начальника отделения жандармерии Кулпа); Камил Ташчи (начальник центрального отделения жандармерии Кулпа); Шахап Ярали (начальник отделения жандармерии Личе); Хасан Чакыр (начальник центрального отделения жандармерии Личе); Азиз Ыылдыз (сменил Хасана Чакира); Мустафа Атагюн (прокурор прокуратуры Диярбакыра); и Мехмет Йондер (прокурор Кулпа).

11. Стенограммы устных показаний вместе с документальными свидетельствами, представленными сторонами в Комиссии, были переданы Суду. Кроме того, стороны представили Суду дополнительные документы, запрошенные Комиссией.

Заявления сторон о фактах (разделы А и В), материалы, представленные сторонами по настоящему делу (разделы С и D), соответствующие материалы, представленные Правительством по делу Чичека (Чичек против Турции, № 25704/94, ECHR 2001 – Раздел Е ниже) вместе с устными показаниями Делегатам (Раздел F) резюмируются ниже.

А. Доводы заявителя о фактах

12. В период с 1992 по 1994 год большое количество исчезновений и необъяснимых убийств произошло на юго-востоке Турции в контексте мер по борьбе с повстанцами против РПК. Особенно пострадали провинция Диярбакыр и ее районы Личе и Кулп.

13. Заявитель, Салих Орхан, родился в 1955 году. Селим и Хасан Орхан (1954 года рождения) были его единственными братьями. Его старший сын Чезаир родился в 1977 году. В то время все они проживали в Девебою, причем заявитель и его братья владели отдельными домами.

14. 20 апреля 1994 г. вооруженные силы численностью 300-400 человек и более 100 автомобилей разбили лагерь возле Девебою.

15. 6 мая 1994 г. около 6 часов утра в село вошли солдаты. Имам села объявил, что их командующий приказал жителям села собраться перед мечетью, что они и сделали. Затем командующий объявил, что деревня Чаглаян (включая деревню Девебою) должна быть сожжена, но он позволит жителям деревни вывезти свое имущество. Заявитель вернулся в свой дом и начал вывозить свои вещи. Пока он это делал, солдаты подожгли его и чужие дома. Выполнив эту задачу и дав сельчанам три дня на то, чтобы покинуть деревню, солдаты двинулись дальше.

16. На следующий день заявитель вместе с другими жителями села отправился в управление жандармерии Кулпского района, чтобы сообщить об инциденте и получить разрешение оставаться в этом районе достаточно долго для сбора урожая. Али Эргюльмез, командир этой станции, сказал ему, что солдаты прибыли из Болу и что жители деревни могут оставаться до сбора урожая.

17. 24 мая 1994 г. в окрестностях села были замечены еще солдаты. Орханцы ремонтировали свои дома и не заметили прибывающих солдат. Все трое мужчин были взяты под стражу солдатами. Один из солдат объяснил, что командир хочет их видеть, что солдаты не знают дороги и что потом они могут вернуться в деревню. Они ушли пешком вверх по холмам. Около 16:30 того же дня солдаты и Орханы были замечены в соседней деревне Гюмюссую. Они курили сигареты и выглядели вполне здоровыми.

18. 25 мая 1994 г. заявитель пришел в отделение жандармерии Зейрека и осведомился об их местонахождении. Ахмет Поташ сказал ему, что Орханов увезли в Кулп. Он отправился в Кулп и поговорил с Али Эргюльмезом.

19. Не получив никакой информации о местонахождении Орханов, заявитель подал официальные жалобы главному прокурору Кулпа, суду государственной безопасности Диярбакыра, губернатору региона по чрезвычайному положению и в Управление общественного порядка Диярбакыра.

20. Примерно через месяц после исчезновения Орханов заявительницу связали с Рамазаном Айчичеком. Последний содержался в школе-интернате Личе вместе с Орханами, а затем был переведен в тюрьму Личе. Он видел Орханов и сказал заявителю, что все трое Орханов, похоже, «в плохом состоянии».

21. Заявитель не получил никаких дальнейших известий об Орханах или каких-либо ответов на свои жалобы о сожжении Девебою.

В. Доводы властей Российской Федерации о фактах

22. Правительство не оспаривало, что в соответствующее время в провинции Диярбакыр проводились многочисленные военные операции по борьбе с повстанцами.

23. Однако они оспаривали три основных фактологических вопроса. Во-первых, они утверждали, что 6 или 24 мая 1994 г. в селе Чаглаян не проводилась военная операция, как утверждалось, или вообще не проводилась, и они ссылались в этом отношении на протокол операций, представленный Суду в августе 2000 г. (см. пункт 124 ниже). Во-вторых, и, следовательно, Орханов не взяли под стражу. Орханов не разыскивали ни за какие правонарушения. Военные не могут брать задержанных под стражу. Таких лиц они должны передать

жандармам, а записи всех соответствующих жандармерий показывают, что они не задерживались. В-третьих, соответствующие органы провели полное расследование жалоб заявителя,

24. Таким образом, Правительство считает, что не было доказано вне всяких разумных сомнений, что село Чаглаян было сожжено или что Орханы были задержаны силами безопасности. Соответственно, они утверждали, что не было продемонстрировано, что любое такое уничтожение или исчезновение было приписано государству.

С. Документальные доказательства, представленные заявителем

1. Заявление заявителя от 3 ноября 1994 г. в Диярбакырское отделение Ассоциации прав человека (HRA).

25. 20 апреля 1994 г. в Девебою прибыло от 300 до 400 солдат на более чем 100 автомобилях. Солдаты остались возле деревни. Вместе с другими жителями села заявитель нес солдатские палатки, рюкзаки и другое снаряжение. В это время Ахмет Поташ, начальник Зейрекской жандармерии, и его подчиненные доставляли снаряжение солдатам. Ахмет Поташ ранее сообщил жителям деревни, что солдаты были из отряда командос Болу, что не было получено никаких новостей от лиц, ранее взятых под стражу этим подразделением, и что жители деревни должны попытаться не попасть под стражу и будь осторожен.

26. Пробыв почти 3 дня возле села, солдаты отправились на операцию в район Бингэль-Муш. Около 6 часов утра 6 мая 1994 года они вернулись в деревню, и несколько солдат собрались перед мечетью. Имам села объявил, что командующий силами безопасности потребовал от жителей села собраться перед мечетью. Все жители так собрались. Командир подразделения приказал им убрать свои вещи в течение часа, так как деревня будет сожжена. Они пошли к своим домам и начали выносить свои вещи, но при этом солдаты начали жечь дома. После того, как они сожгли деревню, солдаты дали им три дня на эвакуацию деревни и ушли в сторону Кульпа. После того, как солдаты ушли, сельчанам удалось спасти небольшую часть своего имущества,

27. 7 мая 1994 г. они обратились в отделение жандармерии Кульпа и сообщили об инциденте. Им сказали, что солдаты прибыли из Болу. Они объяснили, что могут жить в палатках до сбора урожая, и получили на это разрешение. Они стали готовиться к уборке урожая и попытались отремонтировать еще не полностью разрушенные дома. Солдаты все еще вели боевые действия в окрестностях села, и, увидев их прибытие, жители села прятались за пределами села.

28. 24 мая 1994 г. в окрестностях села были замечены солдаты, которые спрятались. Однако Орханы были заняты ремонтом домов и солдат не видели. Женщины и дети села видели, как их уводили

солдаты. В тот день заявитель прятался от солдат, но женщины и дети села сказали ему, что солдаты, которые взяли Орханов, были теми, кто сжег деревню. Ни один из Орханов ранее не находился под стражей, а Селим был почетным имамом. Около 16:30 того же дня солдаты и Орханы достигли Гюмюссую, и люди из этого села видели Орханов с солдатами. Орханы курили сигареты с солдатами и были в порядке.

29. 25 мая 1994 г. несколько жителей деревни пошли в отделение жандармерии Зейрек и рассказали об этом инциденте Ахмету Поташу, который сказал, что Орханов увезли в Кулп. Поэтому они отправились в Кулп. Однако командующий в Кулпе сказал им, что у него нет информации.

30. Таким образом, заявитель безрезультатно подавал жалобы главному прокурору Кулпа, прокурору суда государственной безопасности Диярбакыра, региональному губернатору по чрезвычайному положению и Главному командованию общественного порядка в Диярбакыре.

31. Месяц спустя заявитель узнал, что человек по имени Рамазан Айчичек, который ранее содержался под стражей в школе-интернате Личе, был переведен в тюрьму Личе. Заявитель пошел навестить его туда, и Рамазан Айчичек сказал ему, что видел Орханов во время своего содержания под стражей в школе-интернате Личе и что они были в очень плохом состоянии.

2. Ходатайство главному прокурору суда государственной безопасности Диярбакыра от 16 июня 1994 г.

32. Орханы были арестованы в Девебою во время операции жандармов 24 мая 1994 года, и с тех пор от них не поступало никаких известий, несмотря на сделанные заявления. Заявитель запросил информацию.

3. Петиция губернатору области чрезвычайного положения, Диярбакыр, от 6 июля 1994 г.

33. Во время военной операции в Чаглаяне силовики взяли с собой Орханов, попросив их быть проводниками. С тех пор у заявителя не было никаких новостей, и он просил помощи в получении информации.

4. Отчеты, заявления и другие опубликованные документы

34. Заявитель также представил:

- Публичное заявление Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения («ЕКПП») по Турции, декабрь 1992 г.;

- Краткие результаты расследования Турции Комитетом ООН против пыток («КПП»), ноябрь 1993 г.;
- Доклад организации «Хьюман Райтс Вотч Уорлд», 1994 г.;
- Доклад Турецкой ассоциации прав человека, 1994 г.;
- Доклад под названием «Адвокация и верховенство закона в Турции» КПЧ, «Медико интернэшнл» и Комитета по правам человека Коллегии адвокатов Англии и Уэльса, январь 1995 г.;
- доклад Международной амнистии под названием «Турция: Матери пропавших без вести, примите меры», май 1995 г.;
- Решение КПП по делу Исмаил Аслан против Турции, 8 мая 1996 г.;
- Доклад KHRP и Medico International под названием «Разрушение деревень на юго-востоке Турции», июнь 1996 г.;
- Публичное заявление ЕКПП по Турции, декабрь 1996 г.;
- Доклад КПЧ под названием «Доклад об исчезновениях в Турции», ноябрь 1996 г.;
- Отчет Рабочей группы ООН по исчезновениям в Турции, 1996 г.;
- Доклад Комитета по правам человека в Европе, сентябрь 1998 г.;
- Доклад Комитета по миграции, беженцам и демографии.

5. Заявление заявителя от 5 января 1998 г. в НРА.

35. Он подтвердил свое намерение продолжить рассмотрение настоящего заявления и содержание своего заявления от 3 ноября 1994 г.

36. 24 апреля 1995 г. к нему домой пришли сотрудники полиции Диярбакыра и сказали его жене, что прокурор хочет взять у него показания. Хотя он не решался сделать это, в конце концов он пошел в прокуратуру Диярбакыра и сделал подробное заявление. Прокурор сердито спросил, почему он увез свое дело в чужую страну и кто ему это посоветовал. Заявитель не знал, что прокурор записал в заявлении, поскольку оно не было ему зачитано. Его попросили подписать заявление, что он и сделал.

6. Заявление Аднана Орхана от 6 октября 1999 г.

37. В 1994 году свидетелю было 12 лет. Он посещал школу-интернат Личе с конца 1993 года до конца апреля 1994 года. В остальном он жил дома со своим отцом (Селим Орхан) и семьей. В школе-интернате Личе было два основных здания: одно для обучения и администрации, а другое для проживания. Военный корпус находился примерно в 200 метрах от общежитий школы.

38. Свидетель видел, как к военному зданию подъезжало много военной техники. Однажды он увидел в одной из таких машин людей в

штатском и вместе с друзьями решил, что этих людей задержали. Он также видел несколько солдат в синих шапках на территории школы.

39. К концу апреля 1994 года свидетель вернулся в Девебою, так как он был нездоров. В этом районе было много солдат, и у некоторых из них были голубые береты. Примерно через 15 дней после этого пришли 250-300 солдат и сожгли деревню. Двое или трое солдат сожгли отчий дом сухой травой и каким-то порохом.

40. Через две недели солдаты вернулись в село пешком примерно в 7-8 часов утра. Свидетель находился в саду примерно в 20-25 метрах от своего дома. Солдаты попросили у его отца (Селима) удостоверение личности, и он дал им его. Когда они спросили, есть ли в деревне еще мужчины, Хасан и Чезаир вышли вперед. У них попросили удостоверения личности, и они предъявили их. Когда солдаты попросили отца свидетеля пойти с ними, его отец спросил, почему, и свидетель подошел ближе. Свидетель спросил отца, куда он идет, и отец сказал, что солдатам нужен проводник. Свидетель спросил командира, куда он везет Орханов, и тот ответил, что их отпускают.

41. На этом этапе прибыли его мать, братья и сестры, и все последовали за солдатами, когда они увели Орханов. Они плакали. Жена его дяди достала свой Коран и умоляла не брать Орханов. На этом этапе свидетель слышал, как командир говорил по рации, что названные лица были с ним, но семьи возражали против их вывоза и спрашивали, что делать. Голос по радио велел привести Орханов в любом случае. Группа некоторое время следовала за Орханами и солдатами, пока командир не сказал, что, если они продолжают преследование, произойдут плохие вещи. Это был последний раз, когда свидетель видел своего отца.

7. Заявление Мехмета Джана от 6 октября 1999 года.

42. В мае 1994 года свидетель проживал в Диярбакыре. Однажды он вернулся домой с работы, и жена сказала ему, что Девебою сожгли. На следующий день он поехал на своей машине в Девебой, чтобы помочь сельчанам, в том числе своим родственникам. По пути туда он увидел в этом районе большое количество солдат, около 300-400 человек. Деревня все еще горела, когда он приехал, и ему сказали, что солдаты сожгли деревню. Он помог примерно 8 семьям перевезти оставшееся имущество в Диярбакыр.

43. Примерно через 19 дней его жена сообщила ему, что ее отец (Селим) вместе с Хасаном и Чезаиром Орханами взят под стражу. Затем он и его жена снова поехали в Девебой на своей машине, и по прибытии им сказали, что солдаты увезли Орханов.

8. Заявление Мехмета Эмре от 6 октября 1999 года.

44. В мае 1994 года свидетель проживал в Гюмюссую. Однажды он увидел Орханов под стражей солдат в Гюмюссую. В тот же вечер заявитель пришел в Гюмюссую и спросил, видел ли кто-нибудь Орханов, и рассказал заявителю, что видел.

45. На следующее утро свидетель отправился в отделение жандармерии Зейрек вместе со стариком из Гюмюссую, чтобы спросить, что случилось с Орханами. Он поговорил с Ахметом Поташем, который сказал, что Орханов увезли в Кулп. Покинув станцию Зейрек, он встретил заявителя и рассказал ему о том, что сказал Ахмет Поташ.

9. Скопируйте фотографии Орханов

46. Они были представлены делегатам во время сбора доказательств.

10. Эскиз школы-интерната вшей

47. Эскиз был завершен Аднаном Орханом во время дачи показаний перед делегатами.

D. Документальные доказательства, представленные Правительством

1. Первое расследование: дело № 1994/66, главный прокурор Кулпа, 1994–1995 годы.

(a) Ходатайство заявителя от 8 июня 1994 г. прокурору Кулпа

48. Во время военной операции, проведенной в Девебою 24 мая 1994 года, Орханы были взяты солдатами, которые сказали им, что они нужны в качестве проводников и что командир солдат все равно хочет их. Поскольку прошло 15 дней без каких-либо новостей, заявитель запросил достоверную информацию о текущих обстоятельствах Орханов.

(b) Показания заявителя от 8 июня 1994 г., взятые прокурором Кулпа.

49. Солдаты увезли Орханов из Девебою 24 мая 1994 года. Солдаты попросили их выступить в качестве проводников и сказали им, что в любом случае они нужны командиру солдат. С тех пор заявитель ничего не слышал от Орханов и просил провести расследование их судьбы.

(с) Письмо прокурора Кулпа от 8 июня 1994 года в Управление жандармерии Кулпа

50. Родственники Орханов Девебою подали заявление об Орханах, которые были взяты 24 мая 1994 года солдатами и о которых не поступало никаких известий. Адресату было предложено «провести расследование» и вернуться в течение одной недели.

d) Письмо прокурора Кулпа главному прокурору Личе от 11 июля 1994 года.

51. Была сделана ссылка на жалобу заявителя на задержание Орханов 24 мая 1994 г. и их последующее исчезновение. Сообщалось, что в то время Орханы были задержаны воинскими частями, расквартированными в школе-интернате Личе. Адресату было предложено выяснить, были ли Орханы задержаны/в составе отрядов, расквартированных в школе, и были ли в Главной прокуратуре какие-либо текущие дела в отношении Орханов.

e) Письмо заместителя начальника районной жандармерии Кулпа (Юмит Шеночак) главному прокурору Кулпа от 22 июля 1994 года.

52. На основании письма прокурора Кулпа от 8 июня 1994 г. было проведено расследование и дознание. Орханы не были задержаны его командой, и его команда не участвовала в операции в указанную дату или около нее. Поиски Орханов продолжатся, и о дальнейших событиях будет сообщено.

(f) Письмо прокурора Кулпа от 18 августа 1994 года в Управление жандармерии Кулпа

53. Адресату было предложено как можно скорее обеспечить присутствие заявителя и Камиля Атаклы (мухтара Чаглаяна) в офисе главного прокурора Кулпа.

(g) Показания заявителя от 22 августа 1994 г., сделанные прокурором Кулпа.

54. Орханы были задержаны солдатами и на ночь были задержаны в Кулпе, а затем на 20 дней в школе-интернате Личе. У заявителя не было новостей. Он безрезультатно обращался к губернатору области чрезвычайного положения Диярбакыра, губернатору провинции, бригаде провинциальной жандармерии и центральному командованию жандармерии Кулпа. Солдаты указали, что на Орханов была «жалоба».

(h) Письмо прокурора Кулпа от 3 сентября 1994 года главному прокурору Диярбакырского суда государственной безопасности

55. Адресат должен был подтвердить, переданы ли Орханы адресату для задержания.

(i) Показания мухтара села Чаглаян от 23 сентября 1994 года, сделанные прокурором Кулпа

56. Около четырех месяцев назад бригада командос Болу прибыла в Девебою на операцию. Ему рассказали, что солдаты этой бригады увезли Орханов через несколько дней после того, как это произошло. Ему сказали, что дети увезенных некоторое время следовали за солдатами и Орханами, но командир сообщил по радио, что Орханов отпустят. Он отправился на станцию Зейрек, и ему сказали, что солдаты ушли на операцию в сторону Лидже в сопровождении гражданских лиц.

(j) Показания заявителя от 23 сентября 1994 г., сделанные прокурором Кулпа.

57. Он уже подал петицию (8 июня 1994 г.) и сделал заявление (22 августа 1994 г.) в этот орган. У него все еще не было новостей об Орханах, и его поиски продолжались. Он просил найти Орханов и наказать тех, кто их задержал.

к) Письмо начальника жандармерии округа Кулп Али Эргюльмеза от 23 сентября 1994 года главному прокурору Кулпа

58. Лица, упомянутые в письме от 18 августа 1994 года, переехали.

(l) Письмо прокурора Кулпа от 30 сентября 1994 года в Управление общественного порядка, Диярбакыр

59. У адресата спросили, задерживал ли он Орханов. Штампы на письме начальника администрации и Управления по предупреждению терроризма от октября 1994 года гласили, что Орханы не разыскиваются и не имеют судимостей.

m) Письма прокурора Кулпа от 3 октября 1994 года главному прокурору Диярбакырского суда государственной безопасности и главному прокурору Диярбакыра.

60. Адресатам было предложено подтвердить в целях предварительного следствия, переданы ли им Орханы для задержания или они находятся под арестом. Штамп на предыдущем письме указывает на то, что главный прокурор Диярбакырского суда государственной безопасности не нашел имен Орханов в документах этого офиса.

n) Письмо главного прокурора Диярбакыра главному прокурору Кулпа от 3 октября 1994 года.

61. В соответствии с письмом от 3 октября 1994 г. поиск в компьютерных записях за 1993 и 1994 гг. не выявил имен Орханов.

Адресат был передан главному прокурору Диярбакырского суда государственной безопасности.

о) Письмо начальника отдела общественного порядка Управления безопасности губернатора Диярбакыра главному прокурору Кулпа от 20 октября 1994 года.

62. В соответствии с письмом главного прокурора Кулпа от 30 сентября 1994 года было проведено расследование. Орханы не задерживались и не разыскивались Управлением безопасности.

(р) Письмо главного прокурора Диярбакырского суда государственной безопасности от 24 октября 1994 года главному прокурору Кулпа

63. Орханов не было в протоколах этого суда.

р) Письмо прокурора Кулпа главному прокурору Личе от 6 апреля 1995 года.

64. Был запрошен ответ на оставшееся без ответа письмо от 11 июля 1994 года.

(г) Показания заявителя от 2 мая 1995 г., сделанные главному прокурору Диярбакыра (Мустафе Атагуну)

65. В заявлении отмечается, что письмо Министерства юстиции от 20 апреля 1995 г., которое было зачитано заявителю, содержало ссылку на жалобу заявителя в Страсбурге и просило Главного прокурора Диярбакыра обеспечить расследование этого дела Генеральным прокурором Личе. и принять заявление заявителя. Заявителя также должны были спросить, принадлежит ли ему подпись на бланке доверенности в пользу британских адвокатов. Следует рассмотреть необходимость определения в первоочередном порядке вопроса о том, должно ли быть возбуждено расследование в соответствии с Постановлением №. 285. Министерство должно быть проинформировано. Затем заявителю было предложено сделать заявление.

66. Вместе с двумя своими братьями (Селимом и Хасаном) заявитель имел дом в Девебою. 6 мая 1994 г. в Девебою прибыло 300-400 солдат. Заявитель находился в поле. Он услышал по громкоговорителю мечети, что жители села должны собраться у мечети, и побежал обратно. В мечети командир приказал им убрать вещи из домов и эвакуировать село через час. Дома были подожжены, когда люди пытались вынести свои вещи. Дома его и его братьев были сожжены. Перед уходом солдаты приказали эвакуировать село.

67. На следующий день они отправились в отделение жандармерии Кулпа и сообщили об инциденте. Они попросили разрешения остаться

для сбора урожая, и командир согласился. Они разбили палатки в деревне и пасли скот и урожай. Они прятались, когда солдаты впоследствии подходили (два или три раза) к селу. Когда солдаты пришли 24 мая 1994 г., заявитель снова был в поле. Орханы ремонтировали свои дома. Солдаты сказали им, что командир хочет их видеть и что они должны показать солдатам дорогу, по которой они вернутся. Заявитель не видел, как их увозили, но ему рассказали об этом, когда он вернулся в село.

68. На следующий день деревенский мухтар и несколько жителей деревни отправились в жандармерию Зейрека и расспросили об Орханах. Им сказали, что Орханов увезли в Кулп. Через один или два дня заявительница обратилась в отделение жандармерии Кулпского района. Он спросил командира об Орханах, и тот ответил, что в этом районе было проведено 50 операций и что Орханов не доставили на его станцию.

69. Поэтому заявитель обратился к главному прокурору Кулпа и главному прокурору Диярбакырского суда государственной безопасности, последний из которых сообщил заявителю, что Орханы не находятся под стражей. Затем он подал петицию губернатору области чрезвычайного положения, который направил заявителя губернатору провинции Диярбакыр, который, в свою очередь, направил его в провинциальное управление жандармерии. Последний позвонил «Вши», но в ответ было, что Орханов нет. Телефонные звонки в «Кулп» были невозможны, так как линии были отключены.

70. Примерно через месяц заявитель связался с Рамазаном Айчичеком, который находился в тюрьме Личе, и пошел к нему. Рамазан Айчичек сказал ему, что он находился под стражей в школе-интернате Личе вместе с Орханами до того, как его перевели в тюрьму Личе. К тому времени (май 1995 г.) Рамазан Айчичек находился в тюрьме Шанлыурфа. Управление жандармерии Лического района сообщило заявительнице, что Орханов «там не было».

71. Заявитель переехал в Диярбакыр. Узнав, что некоторые жители деревни обратились в НРА, он подал заявление, и НРА приняло его заявление. Ему показали его заявление от 3 ноября 1994 года, и он опознал это заявление и свою подпись. Когда ему показали его доверенность на назначение британских юристов, он сказал, что ему как таковому не сказали, что НРА будет назначать британских юристов, что его только попросили подписать лист бумаги и что он не знал что это была доверенность. Ему только сказали, что его заявление будет отправлено в Анкару, но не сказали, куда именно в Анкаре. Его целью было найти Орханов мертвыми или живыми, узнать об их судьбе и получить компенсацию за ущерб, нанесенный его имуществу. Он не возбудил производство по оценке ущерба ни в одном суде, хотя деревенский мухтар сообщил губернатору области о поджоге домов.

Поэтому заявитель обратился к губернатору области с ходатайством о строительстве дома взамен сгоревшего. Он хотел, чтобы его права были предоставлены турецкими властями, и не хотел судебного разбирательства в Европе.

72. Записано, что заявление было зачитано заявителю, который подтвердил его истинность, подписав его.

(s) Письмо прокурора Диярбакыра (Мустафа Атагюн) от 3 мая 1995 года главному прокурору Кулпа

73. Ссылаясь на письмо Министерства юстиции от 20 апреля 1995 г., Мустафа Атагюн просил провести расследование по жалобе заявителя, который сделал подробное заявление, и представить результаты этого расследования к 1 июня 1995 г. для направления в Министерство.

(t) Письмо прокурора Кулпа главному прокурору Диярбакыра от 16 мая 1995 года.

74. Было начато расследование, но Орханы все еще пропали без вести. Копии соответствующих следственных документов были приложены.

(u) Письмо прокурора Кулпа от 29 мая 1995 года в Управление жандармерии Лического района

75. Заявитель утверждал, что Орханы исчезли 24 мая 1994 г. и были задержаны воинскими частями в школе-интернате Личе. Адресат должен был выяснить, задержаны ли Орханы, и вернуться с выводами.

(v) Письмо Управления жандармерии Личе от 29 мая 1995 года главному прокурору Кулпа

76. Заявление об исчезновении Орханов и их содержании в интернате уже поступило и расследовалось. Однако, согласно протоколам этого жандармского управления, Орханов не задерживали, и их имен в этих протоколах не было.

(w) Письмо Управления жандармерии Личе от 14 июня 1995 года Генеральному прокурору Личе

77. Ссылаясь на письмо главного прокурора Личе от 29 мая 1995 года, жандармерия провела расследование. Поскольку имен Орханов не было в протоколах этого командования, был сделан вывод, что это командование их не задерживало.

(x) Письмо главного прокурора Диярбакыра (Мустафы Атагуна) главному прокурору Кулпа от 14 июля 1995 года.

78. Адресату было предложено предоставить информацию о предварительном расследовании жалобы заявителя.

(y) Письмо прокурора Кулпа главному прокурору Диярбакыра от 26 июля 1995 года.

79. 26 июля 1995 года главный прокурор Кулпа решил, что у него нет полномочий для проведения расследования, и передал дело губернатору района Кулп.

(z) Решение Главного прокурора Кулпа об отсутствии юрисдикции от 26 июля 1995 г.

80. Решение касалось жалобы заявителя: поджог и эвакуация его деревни 6 мая 1994 г., взятие Орханов под стражу солдатами 24 мая 1994 г., их последующее исчезновение и сообщения об их содержании под стражей в школе-интернате Личе. Поскольку инцидент произошел в то время, когда силы безопасности выполняли свои административные обязанности, именно Кулпский районный административный совет имел юрисдикцию по расследованию, в какой орган было передано дело.

(aa) Заявление Хасана Шумера (без даты), взятое прокурором Кулпа

81. 24 мая 1994 года в Чаглаян прибыли солдаты-десантники. Он видел, как солдаты взяли Орханов. С тех пор никаких известий о них не поступало.

(bb) Выписка из переписного листа села Чаглаян от 24 июня 1994 года.

82. Заявитель и Орханы были зарегистрированы как проживающие в Чаглаяне.

2. Второе уголовное дело: Кулпский районный административный совет, 1997 г.

(a) Письмо заместителя губернатора провинции Диярбакыр от 7 мая 1997 года окружному административному совету, губернатору округа Кулп

83. Заявитель подал жалобу в Европейскую комиссию по правам человека, утверждая, что Орханы были задержаны силами безопасности 24 мая 1994 г., впоследствии они исчезли, а их дома были сожжены. Адресат должен был подтвердить до 9 мая 1997 г., было ли начато расследование провинциальными или районными

административными советами. Если это так, копия файла должна быть переслана.

(b) Письмо губернатора округа Кулп губернатору провинции Диярбакыр от 9 мая 1997 года.

84. Дело главного прокурора Кулпа и решение о юрисдикции были отправлены в окружной административный совет, который назначил Али Эргюльмеза арбитром в расследовании. Его назначили на другое место, и дело было приостановлено без дальнейшего продвижения. Губернатор округа назначил нового арбитра, расследование продолжается, и адресат будет проинформирован о его результатах.

с) Письмо губернатора района Кулп от 9 мая 1997 года в управление жандармерии района Кулп

85. Камиллю Кюндюзу было предложено в качестве судьи расследовать претензии (изложенные в деле главного прокурора Кулпа) в соответствии с законом о судебном преследовании государственных служащих и представить отчет в течение 3 месяцев.

(е) Отчет судьи (Камиль Кюндюз) от 15 мая 1997 г.

86. Деревня Девебой и деревня Чаглаян опустели, а жители уехали в Диярбакыр в результате давления РПК в 1993-1994 годах. Поскольку их адреса установить не удалось, собрать дополнительную информацию об Орханах, их предполагаемых задержаниях и исчезновениях не удалось. Заявителя не было по его адресу в Диярбакыре, поэтому его показания не могли быть взяты. Проверка документов показала, что Орханов не задерживало управление жандармерии Кулпского района. В отсутствие виновных в дальнейшем расследовании не было необходимости.

(f) Письма от 15 и 20 мая 1997 года из районного управления жандармерии Кулпа губернатору Кулпа и от последнего губернатору провинции Диярбакыр, соответственно

87. Представлен отчет о расследовании.

3. Третье уголовное дело: Кулпский районный административный совет, 1999 г.

88. В письме от 4 июня 1999 года губернатор провинции Диярбакыр потребовал вновь открыть дело и провести расследование. Это письмо не было предоставлено

(а) Примечание к делу губернатора района Кулп от 7 июня 1999 г.

89. Следствие должно было быть начато по жалобам заявителя в соответствии с законом о привлечении к ответственности

государственных служащих, и отчет должен был быть представлен как можно скорее.

(b) Письма от 7 июня 1999 года между губернатором округа Кулп и командованием жандармерии района Кулп

90. Мухтар Чаглаяна должен был быть отправлен к губернатору округа для принятия его показаний, и командование жандармерии подтвердило его присутствие.

(c) Письма губернатора Кулпа от 7 июня 1999 года в Управление жандармерии Кулпа

91. Этому жандармскому командованию было предложено подтвердить до 9 июня 1997 г., проводились ли какие-либо операции в апреле-июле 1994 г., и если да, то прикрывали ли они Чаглаяна, принимали ли участие в операции жандармы и кто руководил этой операцией. Также были запрошены протоколы содержания под стражей из жандармерии Зейрек и центрального управления жандармерии Кулпа за апрель-июль 1994 года.

(d) Письмо от 7 июня 1999 года из управления жандармерии района Кулп на имя губернатора района Кулп

92. Записи этой жандармерии были изучены, и был сделан вывод, что в апреле-июле 1994 года операции проводились в районе Кулп, но не было обнаружено никакой информации, документации или записей, указывающих на то, что такие операции включали село Чаглаян. Приложены выписки из протоколов охраны и содержания под стражей жандармерии Зейрек. Документы Кульпской центральной жандармерии за 1994 год были заархивированы, и их можно получить в областном архивном отделе.

(e) Письмо губернатора района Кулп от 7 июня 1999 года в Управление жандармерии района Кулп

93. Адресат должен был обеспечить явку заявителя к губернатору района Кулп для принятия его показаний.

(f) Письмо от 7 июня 1999 года из управления жандармерии района Кулп на имя губернатора района Кулп

94. Адрес заявителя находился в Диярбакыре. Деревня Чаглаян была эвакуирована, поэтому с заявителем невозможно было связаться.

(g) Письма губернатора округа Кулп от 7 июня 1999 года в Управление жандармерии округа Личе

95. К 9 июня 1999 года были запрошены протоколы содержания под стражей в отделении жандармерии округа Личе за апрель-июль 1994 года.

h) Письма губернатора округа Кулл главному прокурору Личе от 7 июня 1999 года.

96. Были запрошены записи о содержании под стражей в тюрьме Личе за апрель-июль 1994 года.

(i) Письмо губернатора района Кулл губернатору провинции Диярбакыр от 8 июня 1999 г.

97. Заявителя должны были вызвать и направить к губернатору района Кулл для взятия показаний.

(j) Показания мухтара Чаглаяна от 9 июня 1999 года, сделанные судьей.

98. В 1994 году жители села Девебою рассказали ему, что воинские части полка Болу в сопровождении Али Эргюльмеца забрали Орханов. Он спросил Ахмета Поташа об их судьбе, и тот ответил, что Орханов нет на станции Зейрек и что он ничего о них не знает.

(k) Письмо губернатора Кульпа от 10 июня 1999 года на имя Главного прокурора Шанлыурфы.

99. Учитывая утверждения заявителя от 2 мая 1995 г. о том, что, в частности, Рамазан Айчичек видел Орханов под стражей и что он находился в тюрьме Шанлыурфа, адресат должен был убедиться, что он все еще находится в этой тюрьме, взять его показания, если он там, и представить отчет к 15 июня 1999 года.

(l) Письмо начальника тюрьмы Шанлыурфа от 11 июня 1999 года на имя главного прокурора Шанлыурфы

100. Имя Рамазана Айчичека не значилось в тюремных записях.

(m) Письмо губернатора округа Кулл от 17 июня 1999 года в управление жандармерии округа Личе

101. Учитывая утверждения заявителя от 2 мая 1995 г. о том, что, в частности, Рамазан Айчичек видел Орханов под стражей и что он находился в тюрьме Личе, адресат должен был узнать, находится ли он все еще в этой тюрьме, взять его показания, если он там, и представить отчет к 21 июня 1999 года.

(n) Письмо губернатора округа Кулл губернатору провинции Диярбакыр от 17 июня 1999 года.

102. Были сделаны ссылки на письмо Министерства внутренних дел от 4 июня 1999 г., на письмо губернатора провинции Диярбакыр от 4 июня 1999 г. и на письмо губернатора района Кулп от 8 июня 1999 г. Будет проведено расследование для установления нынешнего положения заявителя. адрес, и его заявление будет принято и направлено к 18 июня 1999 года.

(о) Документ, подписанный заявителем от 22 июня 1999 г.

103. Заявитель признал, что его проинформировали о том, что он должен срочно явиться к губернатору района Кулп для дачи показаний.

(р) Письмо начальника тюрьмы Личе от 22 июня 1999 года в Управление жандармерии Лического района

104. Рамазан Айчичек был заключен в тюрьму уголовным судом по делам общественного порядка Личе 10 июня 1994 года за пособничество и подстрекательство к РПК, а 25 июля 1994 года он был переведен в тюрьму строгого режима Диярбакыр типа Е.

(q) Отчет от 22 июня 1999 года о Рамазане Айчичеке, составленный Командованием жандармерии Лического района

105. В отчете повторяется информация, изложенная в предыдущем абзаце, и добавляется, что деревня Рамазана Айчичека была эвакуирована из-за террористических актов и что его нынешнее местонахождение неизвестно. Поэтому принять его показания было невозможно.

(г) Показания заявителя от 23 июня 1999 г., сделанные судьей (Юнусом Гюнесом)

106. За 19 дней до 24 мая 1994 г. воинские части заявили, что село должно быть эвакуировано в течение трех дней. Жители деревни начали немедленно эвакуироваться. Через три дня они обратились к начальнику жандармерии района Кулп Али Эргюльмезу, чтобы получить разрешение остаться в деревне для сбора урожая. Разрешение было предоставлено.

107. 24 мая 1994 г. заявителю сообщили, что солдаты, находившиеся вокруг села и действовавшие по приказу своего командира, увезли Орханов в Зиярет-Тепе. Он видел, как солдаты уводят Орханов, как и других жителей деревни. В тот же день он узнал, что солдаты двинулись в деревню Гюмюссую деревни Эмали. После наступления темноты он отправился в Гюмюссую и спросил Хаджи Хавину (также известную как Хавин Эмре и тетя заявителя) (свою тетю) и Хаджи Мехмет об Орханах. Они сказали, что видели Орханов.

108. 25 мая 1994 г. Мехмет Эмре (сын Хаджи Хавины и двоюродный брат заявительницы) и Хаджи Мехмет отправились в Зейрек и поговорили с Ахметом Поташем, который сказал, что вечером солдаты доставили Орханов в отделение жандармерии Кулпа. 25 мая 1994 г. заявитель, Хасан Шумер, Сулейман Нергиз и Хусейн Джан спросили Али Эргюльмеза о судьбе Орханов. Али Эргюльмез сказал, что в этом районе было проведено около 50 операций и что он не знает, кто забрал Орханов.

109. Позже заявитель подал жалобу в Управление жандармерии Кулпа, Управление жандармерии Личе и главному прокурору Кулпа. Примерно через месяц после инцидента заявитель находился в Диярбакыре и встретил Эсрефа из района Инкая, у которого был магазин в Кулпе. Он сказал, что Орханы были задержаны на ночь вместе с ним в отделении жандармерии Кулпского района. Утром их на военной машине отвезли в отделение жандармерии Личе, где Орханы и Эсреф вместе находились под стражей в течение недели. Эсрефа освободили в конце той же недели.

110. Примерно через 35-40 дней после задержания Орханов Рамазан Айчичек из села Мехметил Лидже отправил заявителю сообщение с предложением встретиться. Заявитель отправился в тюрьму Личе и встретился с Рамазаном Айчичеком. Последний сказал, что, пока он содержался в школе-интернате Личе, он провел неделю с Орханами. В тот же день и много раз после этого заявитель обращался в отделение жандармерии Личе, чтобы узнать о судьбе Орханов. Ему сказали, что Орханов нет в Лидже.

111. Примерно через 50 дней после задержания Орханов он подал прошение губернатору области чрезвычайного положения. Эта петиция была передана правительству провинции Диярбакыр и, в свою очередь, в управление жандармерии провинции, откуда сержант-майор позвонил в управление жандармерии округа Личе. Они ответили, что Орханов там нет.

(s) Письмо от 25 июня 1999 г. Управления жандармерии Личе на имя губернатора Личе

112. Отчет о Рамазане Айчичеке в тюрьме Личе был приложен.

(t) Письмо губернатора округа Личе губернатору округа Кулп от 28 июня 1999 года.

113. Представлены протоколы содержания под стражей Управления жандармерии Лического района за апрель-июль 1994 г.

(u) Письмо губернатора округа Личе от 28 июня 1999 года губернатору округа и провинции

114. Отчет жандармерии Лического района о Рамазане Айчичеке был приложен. Решение судьи (см. пункт 117 ниже) позже детализировало этот отчет: деревня Рамазан Айчичек была эвакуирована в результате террористических актов, и его местонахождение неизвестно.

(v) Письмо судьи губернатора округа Кулп губернатору округа Диярбакыр от 6 июля 1999 года.

115. Отчет судьи о его расследовании был приложен.

(w) Отчет о расследовании судьи от 6 июля 1999 г.

116. Расследование проводилось с 7 июня по 5 июля 1999 г., а список приложенных документов датирован 7 июня-июля 1999 г.

117. Судья пришел к выводу, что нет необходимости возбуждать уголовное дело и выносить решение. Во-первых, имена Орханов не значатся в списках заключенных жандармерии Зейрека, жандармерии Кулпа или Лидже. Во-вторых, имелись противоречия между показаниями заявителя от 2 мая 1995 г. и показаниями от 23 июня 1999 г. относительно того, видел ли он лично, как увозили его братьев. В-третьих, мухтар не был непосредственным свидетелем; Жители деревни сказали ему, что Орханов забрали. В-четвертых, заявитель указал в своих показаниях от 2 мая 1995 г., что Рамазан Айчичек находился в тюрьме Шанлыурфа, но расследование показало, что это не так, его деревня была эвакуирована из-за террористической деятельности и его местонахождение не может быть установлено. Существовало сомнение в том, что заявитель встречался с Рамазаном Айчичеком. В-пятых, в управлении жандармерии Кулпского района не существовало никаких документов, сведений или записей о какой-либо операции, проведенной в апреле-июле 1994 года.

(x) Решение Административного совета Кулпского района, губернатора Кулпского района от 7 июля 1999 г.

118. Материалы расследования и отчет были изучены. В отсутствие какой-либо информации, документов или свидетелей, указывающих на то, что Орханы были задержаны воинскими частями или жандармерией Лидже или Кулпа, Совет единогласно принял решение не возбуждать судебное преследование в соответствии с законом о привлечении к ответственности государственных служащих.

4. Материал о Рамазане Айчичеке

(а) Письмо Управления жандармерии Лического округа губернатору Лического округа от 23 ноября 1999 г.

119. Рамазан Айчичек был арестован за хранение оружия, а также за пособничество и подстрекательство к РПК. Он был передан прокурору 10 июня 1994 года. В школе-интернате Личе не было сотрудников жандармерии, размещенных там для содержания под стражей. Рамазан Айчичек, который был задержан жандармерией округа Личе 7 июня 1994 года, не мог видеть Орханов, как утверждалось, поскольку школа-интернат Личе находилась в 2 км от этого отделения.

(b) Выписка из записей камеры содержания под стражей Управления жандармерии Лического района

120. В записи № 43 Рамазан Айчичек упоминается как задержанный по вышеуказанным обвинениям. В четвертой колонке указано, что его задержание было санкционировано районным управлением жандармерии, а в пятой колонке указано, что он был задержан 7 июня 1994 года в 16.00. Запись переходит на вторую строку, в которой отмечается, что он ушел из отделения жандармерии Личе 10 июня 1994 г. в 14.00, поскольку его передали прокурору.

(с) Материалы расследования в отношении Рамазана Айчичека

121. В отчете об установлении места происшествия от 7 июня 1994 года говорится об операции жандармерии в тот день, об обнаружении ими винтовки в помещении Рамазана Айчичека и о его аресте в тот же день. В своем заявлении от 9 июня 1994 г. он заявил, что оказывал помощь РПК и унаследовал винтовку.

122. Напротив, в «протоколе допроса» от 10 июня 1994 г. отмечено, что заявитель утверждал, что он был задержан во время военной операции примерно 22 мая 1994 г. и доставлен «в район». Именно там он сделал вышеописанное заявление, которое он отрицал, указав, что его заставили подписать его, не зная, что в нем содержится. 17 августа 1995 г. суд государственной безопасности постановил, что доказательств пособничества и подстрекательства к РПК недостаточно, и распорядился о его освобождении. Однако вопрос о незаконном хранении огнестрельного оружия был оставлен для рассмотрения в суде.

5. Записи жандармерии: жандармерия Зейрек вместе с районными жандармериями Личе и Кулпа.

123. Записи Личе датированы февралем-августом 1994 г., записи Зейрека датированы мартом-ноябрем 1994 г., а записи Кулпа датированы февралем-декабрем 1994 г. В этих записях нет упоминаний об Орханах.

б. Отчеты о боевых действиях провинции Диярбакыр, май 1994 г.

124. Это одностраничный документ в виде таблицы, обобщающий 30 военных операций в провинции Диярбакыр, которые имели место со 2 по 31 мая 1994 года. 6 мая 1994 года никаких операций не отмечено, но многие зарегистрированы за день до и после. Операции также проводились 23, 24 и 25 мая 1994 года. Ничего не говорится о Девебойю, Чаглаяне или Гюмюссую, хотя две операции отмечены как проведенные как в Кулпе (10 и 16 мая), так и в Личе (11 и 13 мая). май) районы.

Е. Документы, представленные Правительством в другом заявлении

125. По запросу делегатов по вышеупомянутому делу Чичека правительство представило планы школы-интерната Личе. Они составляли три страницы, каждая страница покрывала этаж в одном здании.

Г. Устные показания

126. Делегаты заслушали свидетельские показания, изложенные ниже.

1. Салих Орхан

127. Он родился в 1955 году. Селим и Хасан Орхан - его старший и единственный братья, а Чезаир Орхан - его старший сын. В апреле и мае 1994 года жил в Девебою. Чезаир жил с ним, и у него и его братьев было по дому в этой деревне.

128. 20 апреля 1994 г. прибыли 300-400 военнослужащих, прошли деревню и поставили палатки прямо над деревней. На следующий день на военных машинах прибыла их провизия. Жители деревни помогали солдатам доставлять провизию в палатки либо на спине, либо с помощью вьючных животных. Заявитель сначала сказал, что силы состоят как из жандармов, так и из регулярных пехотинцев, позже он подтвердил, что они были «обычными солдатами», а затем пояснил, что не может провести различие между командос и жандармами. Во всяком случае, все они были одеты в военную форму. Он не знал ни одного из них. Время от времени сельский совет и мухтар посещали жандармерию Зейрек, где Ахмет Поташ сказал, что солдаты были из полка Болу.

129. Через неделю или две солдаты продолжили операцию в направлении границы Бингэль-Муш. Во второй половине дня 6 мая

1994 г. они вернулись и окружили деревню. Через громкоговоритель сельской мечети они призвали жителей села собраться у мечети. Жители деревни быстро собрались. Командир сказал, что у жителей есть один час, чтобы забрать свои вещи, после чего село будет сожжено и эвакуировано.

130. Жители села немедленно вернулись в свои дома, но когда они возвращались, солдаты начали жечь дома. К каждому району села был приставлен командир и взвод солдат. Заявителю удалось вывезти часть имущества своей семьи на улицу, но вскоре после этого они начали поджигать его дом, используя сено, которое он хранил. Его дом, дома его братьев, большая часть их имущества и большая часть домов в селе Чаглаян были сожжены.

131. Солдаты остались в деревне на ночь и ушли утром.

132. На следующее утро 5 или 6 жителей деревни (включая Селима Орхана и деревенского мухтара) отправились в жандармерию Зейрека, чтобы попросить разрешения остаться для сбора урожая. Ахмет Поташ сказал, что у начальника жандармерии Кулпа есть полномочия решать такие вопросы, а у него нет. В Кульпе Али Эргюльмез дал им разрешение. Поэтому они оставались во временных убежищах в Девебою до сбора урожая.

133. Некоторые жители начали ремонтировать свои дома в надежде, что когда-нибудь им разрешат вернуться. Каждые три-четыре дня солдаты проходили мимо деревни и поднимались в горы.

134. 24 мая 1994 г. ранним утром солдаты вернулись в село. Заявитель ушел на работу в поле на некотором расстоянии. Большинство мужчин уже ушли в город, но его братья и сын остались и работали над домами. Когда в деревню вошла группа солдат, оставшиеся мужчины скрылись в полях. Солдаты спросили об Орханах и забрали их удостоверения личности. Там были все, включая детей, хотя Чезаир был там случайно, так как он только что вернулся домой накануне (на религиозный праздник) с работы штукатуром с субподрядчиком в университете Малатья Инёню.

135. Когда они сказали, что возьмут Орханов, женщины умоляли их не делать этого, но те отвечали, что командующий ждет дальше на холме, что Орханы должны дать показания и что они нужны в любом случае в качестве проводников. Их отпустят позже. Собралась толпа. Заявитель видел со своего места в поле, как солдаты в сопровождении Орханов поднимались на холм в сторону Гюмюссую. Женщины и дети следовали за ними примерно 50-100 метров, умоляя солдат не брать Орханов.

136. Деревня Гюмюссую находится в 15 минутах ходьбы от Девебою пешком по разбитой тракторной тропе. У жителей Гюмюссую есть поля в Девебою, поэтому жители обеих деревень знали друг друга. Тетя заявителя, Хаджи Хевина, проживает в

Гюмюссую. Солдаты прибыли в Гюмюссую пешком с Орханами. В тот же вечер заявитель отправился в Гюмюссую, чтобы узнать, можно ли получить какие-нибудь новости от жителей села. Он встретил Мехмета Эмре, который сказал ему, что, когда солдаты пришли в первый раз, они оставили свои машины в Гюмюссую, а затем пешком отправились в Девебой. На обратном пути через Гюмюссую они привезли Орханов, где они были замечены отдыхающими многочисленными жителями деревни, которые несли им воду. Орханы выглядели хорошо и курили сигареты. Мехмет Эмре и старый сельский житель Хаджи Мехмет поговорили с Орханами. Хаджи Мехмет также спросил солдат, что сделали Орханы, и командир вместо этого пригрозил взять его под стражу. Орханов посадили в военные машины и увезли в сторону Зейрека.

137. На следующее утро заявитель отправился в отделение жандармерии Зейрек. По дороге он встретил Мехмета Эмре и Хаджи Мехмета, возвращавшихся со станции. Они видели Ахмета Поташа, который сказал им, что накануне вечером Орханы прошли с солдатами и были доставлены в Кулп. Затем заявитель вместе с деревенским мухтаром и другими жителями отправился на станцию Зейрек, чтобы спросить, что стало с Орханами. Ахмет Поташ сказал, что их, по-видимому, увезли в Кулп.

138. Примерно 6 июня 1994 г. заявитель пришел в отделение жандармерии Кулпа, где Али Эргюльмез сказал, что было проведено 50 операций, что он не знает, какое подразделение забрало Орханов, что он наведет справки и что заявитель должен вернуться вдвоем. дней. Заявитель возвращался много раз, но не получал никаких известий об Орханах.

139. Он определил петиции, которые он затем подал главному прокурору Кулпа, прокурору суда государственной безопасности в Диярбакыре и губернатору чрезвычайного положения в июне и июле 1994 года.

140. Некоторое время спустя заявитель был в Диярбакыре и столкнулся с «Эшрефом». Он сказал, что его задержали вместе с Орханами в отделении жандармерии Кулпского района на одну ночь. На следующее утро их отвезли на военной машине на станцию «Центральный район» Личе, где всех продержали три ночи. Эшрефа освободили, а Орханы остались. Впоследствии заявитель не смог найти Эшрефа.

141. Примерно через месяц после задержания Орханов Рамазан Айчичек сообщил заявителю, чтобы тот связался с ним. Заявителю разрешили увидеться с ним в тюрьме Личе, поскольку он сказал тюремным служащим, что Рамазан Айчичек был его близким знакомым и что он спрашивал о своих братьях и сыне. Рамазан Айчичек сказал ему, что он и Орханы были задержаны в школе-

интернате Личе на несколько дней, после чего его перевели в тюрьму. Орханы остались в школе. Заявитель подтвердил, что Рамазан Айчичек ничего не говорил о состоянии Орханов. Заявитель понял, что Рамазан Айчичек был переведен из Личе в тюрьму Шанилурфа, отбыл годичный срок и был освобожден, после чего он и его семья уехали из дома. Заявительница не смогла найти его.

142. Затем заявитель вернулся к начальнику жандармерии Лического района, который сказал, что никто по имени Орхан не находится под стражей в его подчинении.

143. Жители деревни остались в Девебою на сбор урожая и уехали в конце 1994 года. Лето они провели во временных убежищах.

144. Будучи вызванным, 2 мая 1995 г. заявитель дал показания прокурору суда государственной безопасности Диярбакыра. Прокурор, заявитель и машинистка находились в комнате. Прокурор очень рассердился и закричал, удивляясь, как государство может похищать людей и заставлять их исчезать, и говоря, что люди получают заслуженное наказание. Заявитель сказал, что он был расстроен, опечален и опечален. Он сломался, растерялся и в таком состоянии закончил высказывание. Он не помнит, чтобы делал заявление, в котором говорил, что не желает обращаться в Комиссию.

145. Он представил Делегатам копии фотографий Орханов. У него никогда не спрашивали ни фотографии, ни имена тех, кто в Девебою был свидетелем того, как увозили Орханов. Он никогда не получал никакой информации от властей об их расследованиях уничтожения Девебою или исчезновения Орханов.

146. Заявитель объяснил горе и лишения, перенесенные им и семьями Орханов: их постоянным желанием было найти Орханов, живых или мертвых.

2. Аднан Орхан

147. Свидетель родился в 1982 году. Он племянник заявителя и старший сын Селима Орхана. Он живет в Диярбакыре со своей семьей. Он и его братья и сестры были сельскохозяйственными рабочими.

148. В апреле 1994 года свидетель учился в первом классе средней школы-интерната Личе, расположенной на окраине Личе, примерно в 15-20 минутах ходьбы от центра города. Он присоединился к школе около 5 месяцев назад. Было примерно 10-12 классов по 70-80 учеников в каждом. В школьном комплексе было три здания, каждое из трех этажей. Одно здание было общежитием, второе — классными комнатами, а третье — военным корпусом. Комплекс представлял собой большую территорию, окруженную колючей проволокой, с солдатами, дежурившими на страже и проверяющими документы на входе. По просьбе делегатов свидетель грубо зарисовал три здания комплекса.

149. Свидетелю были показаны планы школы-интерната, представленные Правительством в вышеупомянутом деле Чичека. Планы охватывают три этажа учебного корпуса. Классы находились в верхней части здания, а трапезная (емехане) — в нижнем этаже (с библиотекой и административными помещениями). Поэтому в планы не входило военное здание.

150. Военный корпус не был отделен каким-либо ограждением или забором от других школьных зданий. Хотя свидетель мог пойти в это здание, он никогда этого не делал и не хотел. Солдаты постоянно базировались в военном здании, и солдаты также часто приходили и уходили. Военная техника (танки, танки и т.п.) также приезжала и уезжала и была припаркована рядом с военным корпусом. Свидетель не узнал конкретную форму. Все, что он знал, это то, что они были солдатами. Примерно за 15-20 дней до выхода из школы свидетель впервые увидел солдат в голубых беретах. Однажды, когда свидетель сидел со своими друзьями, он увидел военную технику, въезжающую в военный корпус. Свидетель задавался вопросом о некоторых лицах в этих транспортных средствах в гражданской одежде.

151. В апреле 1994 года он вернулся из школы в Девебою, так как заболел. Через несколько дней прибыли около 250-300 солдат и пошли в гору. Они были одеты в обычную зеленую форму. Хотя сначала он сказал, что у них были голубые береты, позже он подтвердил, что не был уверен.

152. Через несколько дней после этого они вернулись в Девебою. Они вошли в деревню, подожгли дома, в том числе и его дом, везде был дым. Он был в доме своего отца, когда его подожгли. Солдаты окружили дома, и двое или трое вошли внутрь, чтобы разжечь огонь, хотя он не был уверен, как именно они его разожгли. Его семье удалось выбросить некоторые вещи на улицу до того, как вспыхнул огонь. Горели и другие дома, и, хотя из-за дыма было трудно определить, сколько именно сгорело, сгорели его собственный дом и дома заявителя. Дождавшись, пока сгорят дома, солдаты ушли из села. После этого он и его семья жили в саду под кусками нейлона и пластика в ожидании урожая.

153. Через одну или две недели, около восхода солнца, солдаты спустились с холма к палаткам заявителя, Селима Орхана и Хасана Орхана, которые стояли рядом друг с другом. Солдаты остановились у палатки семьи свидетеля, которая оказалась первой на их пути. Командир увидел отца свидетеля (Селима), подозвал его (не по имени) и попросил предъявить удостоверение личности. Солдаты спросили, кто еще там есть, и его отец сказал им, что это его дядя (Хасан) и двоюродный брат (Чезайир). Как и было приказано, его отец вызвал их, и у них забрали удостоверения личности. Орханам сказали, что все они нужны в качестве проводников.

154. Свидетель на мгновение зашел за свою нейлоновую палатку, а когда вышел, солдаты начали поднимать Орханов на холм. Его братья, мать, тетя и ее дети стали умолять солдат не забирать их. Его тетя даже принесла Коран и попросила солдат из любви к Корану не забирать их. Но солдаты не обратили на это никакого внимания и сказали, что преследовать их не следует. Орханы будут освобождены, тогда как если бы жители деревни последовали за ними, могли бы произойти плохие вещи. Дальнейшие мольбы привели к тому, что командир вызвал по рации более старшего офицера. Первый сказал, что у него есть «эти люди», и поинтересовался, следует ли ему привести их. Начальник приказал солдатам привести Орханов. Солдаты и Орханы пешком поднялись на холм в направлении Гюмюссую, а жители деревни пошли обратно. Холм настолько высок, что группа была видна из деревни и даже с полей некоторых семей, куда заявительница ушла в то утро.

155. Свидетель больше никогда не видел своего отца. Он не мог вернуться в школу, о чем он очень сожалел: поскольку он был самым старшим выжившим мужчиной в своей семье и стал главой семьи, ему приходилось работать, чтобы содержать свою семью.

3. Мехмет Джан

156. Свидетель родился в 1971 году в Девебою. Он зять Селима Орхана. С 1984 года он был гастарбайтером и никогда не проводил в Девебою больше месяца в году. У отца свидетеля был дом в Девебою. Заявитель, Селим Орхан и Хасан Орхан жили недалеко друг от друга в Девебою. Чезаир Орхан проживал с заявителем.

157. В 1993 году были разрушены деревни Гюльдикен и Деречик. Его зять и невестка жили в Гюльдикене и после его разрушения какое-то время жили с Селимом Орханом. Рабия и Махмут Кая остались с его отцом на год после того, как Деречик был уничтожен. Эти жители заявили, что солдаты сожгли деревни, потому что их обвинили в пособничестве и укрывательстве террористов. Свидетель считал, что то же самое произойдет и в Чаглаяне, это лишь вопрос времени, поэтому он и его жена переехали в Диярбакыр. В то время он жил в Диярбакыре.

158. Однажды вечером в апреле 1994 года, когда он вернулся домой с работы, его жена сказала ему, что их деревня была разрушена солдатами. На следующее утро он встал рано, нанял грузовик и поехал в деревню. Он прошел через военный контрольно-пропускной пункт перед жандармерией Зейрек, где увидел бесчисленное количество танков, танков и другой военной техники.

159. Оттуда до центра Чаглаяна свидетель видел большое количество солдат (300-400 человек), идущих по обочине дороги в направлении Зейрека. Они находились на расстоянии 20-30 метров

друг от друга и тянулись от Зейрека до Чаглаяна. Это были солдаты пехоты и командос. Он не помнил, чтобы видел среди них жандармов. Они были одеты в форму регулярных солдат. Униформа командос светло-зеленая, униформа пехоты - темно-зеленая, а униформа жандармов такая же, как у пехоты, за исключением того, что у жандармов есть знаки различия на шее и плечах, которые отличаются от пехоты. Он не помнил, чтобы видел эти знаки различия или какие-либо характерные фуражки. У них было обычное оружие, G3, MG3, обычные бомбы и так далее.

160. Когда он приехал, деревня и даже мечеть лежали в руинах. Он мог остаться только на пару часов, так как ему нужно было возвращаться на работу. Из некоторых домов, включая дом его отца, все еще шел дым.

161. Свидетель не видел в тот день ни Селима, ни Хасана Орхана, так как был занят проблемами своей семьи. В то утро он фактически не видел дома заявителей, Селима Орхана или Хасана Орхана: их дома находились примерно в 10 минутах ходьбы от него и были окружены фруктовым садом. Однако он увидел дым, идущий из района, в котором находились эти дома.

162. Отец свидетеля, его дядя и двоюродные братья рассказали ему, что накануне пришли солдаты, собрали всех перед мечетью и сказали им, что у них есть один час, чтобы покинуть свои дома и забрать свои вещи, поскольку они собирались сжечь деревню. Жители села вернулись в свои дома и увидели дым, идущий из мечети, прежде чем солдаты начали жечь их дома. Они спасли все, что могли, но большая часть вещей сгорела.

163. Он загрузил свой грузовик как можно большим количеством спасенных вещей некоторых семей и отвез их в Диярбакыр.

164. Через два-три дня свидетель вернулся к Девебою. Дома были нежилые. Жители деревни построили убежища из ткани, тряпок, деревьев и листьев в виноградниках, садах и огородах, на дороге, у реки и за деревней на холмах. Он также виделся с Селимом и Хасаном Орханами и разговаривал с их семьями. Они рассказали ему то же самое, что и его семье, о том, как сожгли деревню. Свидетель пытался уговорить Селима Орхана уйти, но тот хотел остаться, так как у них было на это разрешение до сбора урожая. 8 мая 1994 года свидетель вернулся в Диярбакыр.

165. Через 10-15 дней после того, как село было сожжено, его жена сказала ему, что они взяли Орханов. На следующее утро он и его жена пошли в деревню. Они пробыли два или три дня. Его мать и отец сказали, что солдаты взяли Орханов. Его жена не остановилась в доме отца, а направилась прямо в дом Селима Орхана. Жена и семья Селима Орхана рассказали, что солдаты спустились с холма утром и забрали глав их домохозяйств, что они шли за солдатами до самого холма, что

солдат даже ударил маленькую девочку который следовал за ними, и что солдаты не давали им следовать дальше.

166. Во время своего пребывания в Девебою свидетель встретился с некоторыми жителями деревни Гюмюссую: Хаджи Мехметом, пожилым мужчиной 70-75 лет, Мехметом Эмре и матерью последнего, Хаджи Хевиной. Они подтвердили следующее: Многочисленные жители деревни видели, как солдаты прибыли с Орханами в Гюмюссую. Им дали воды, они отдохнули 5-10 минут и Орханов повезли прямо на станцию Зейрек. Жители деревни Девебой были проинформированы в тот же вечер. В тот вечер или на следующее утро некоторые жители деревни (в том числе Мехмет Эмре и Хаджи Мехмет) отправились в жандармерию Зейрека, чтобы узнать об Орханах, и Ахмет Поташ сказал им, что Орханы были доставлены в Кулп. На обратном пути из Зейрека они встретили заявителя и рассказали ему, что узнали.

167. Ни одна деревня не была сожжена к западу или северу от Чаглаяна. Но за короткое время сгорели бесчисленные деревни на востоке и юге, включая деревню Гюмюшю и деревню Эльмалы, к которой она была присоединена. Демирли также были сожжены, как и деревни Карпузлу (Кафан и Сабан).

4. Мехмет Эмре

168. Свидетель родился в 1965 году. Он двоюродный брат заявителя. В апреле и мае 1994 года он жил в Гюмюссую, деревушке примерно из 45 домов. Заявитель, Селим Орхан и Хасан Орхан, которых он знал, поскольку у них были поля в Чаглаяне, в то время имели дома в Девебою.

169. Первоначально он казался сбитым с толку порядком событий (разрушение Чаглаяна и переход солдат и Орханов через Гюмюссую). Однако позже он подтвердил и вновь подтвердил, что сожжение Чаглаяна произошло за 15-20 дней до того, как он увидел Орханов с солдатами в Гюмюссую.

170. В 1994 году свидетель видел дым, идущий из домов в Девебою. Он спросил у некоторых офицеров, находившихся в это время в селе, что происходит и будет ли проводиться операция в Гюмюссую, чтобы они могли уйти заранее. Они сказали, что пришли защитить жителей деревни. Жители деревни Девебой позже рассказали, что солдаты подожгли их дома.

171. На следующий день после того, как Девебой был сожжен, Гюмюссую также был сожжен солдатами. Солдаты сначала проверили удостоверения личности, а затем дали жителям деревни один час на то, чтобы они вынесли свои вещи, прежде чем сжечь их дома. Более легкие предметы были удалены, а более тяжелые сгорели. Свидетель спросил солдат, почему они сжигают деревню, и ему ответили, что это

было сделано для того, чтобы помешать РПК прийти в поисках убежища, что они все будут перемещены государством и что любой, кто будет пойман в деревне, будет убит. Сельские жители получили разрешение от местного отделения жандармерии оставаться в деревне до сбора урожая, до которого они жили в приютах. Свидетель подумал, что они были обычными солдатами, а не жандармами, из-за их униформы. Мухтар деревни Эльмалы сказал свидетелю, что солдаты были из Болу,

172. Примерно через 15-20 дней после того, как Гюмюссую сожгли, солдаты прибыли пешком с Орханами. Их видела практически вся деревня. Группа остановилась на отдых возле деревенского кладбища. Они дали воду и сигареты Орханам и солдатам. Орханы могли свободно передвигаться и не были скованы наручниками. Свидетель, Хаджи Мехмет и другие жители деревни разговаривали с ними. Орханы расстроились, сказав, что их забрали солдаты. Они просили о помощи и сообщить их семьям. Хаджи Мехмет, пожилой человек, спросил, почему были похищены Орханы. Они ответили, что возьмут его вместо него. Отдохнув примерно 30 минут, солдаты посадили Орханов в военную машину и уехали. В тот же вечер заявитель пришел в Гюмюссую, и они рассказали ему об увиденном. На следующее утро Хаджи Мехмет и свидетель спросили Ахмета Поташа в отделении жандармерии Зейрека, что он знает. Он сказал им, что Орханов увезли в Кулп. На обратном пути с вокзала они встретили заявителя и ввели его в курс дела.

173. Осенью жители деревни покинули Гюмюссую. Государство так и не переселило их, как обещали солдаты.

5. Ахмет Поташ

174. Свидетель, 1965 года рождения, в соответствующий период до июля 1994 года был начальником отделения жандармерии Зейрека. Его участок был прикреплен к районному управлению жандармерии Кулпа, поэтому Али Эргюльмез был его командиром.

175. Чаглаян был прикреплен к своей станции, он время от времени бывал там и хорошо это знал. Чаглаян и Гюмюссую находились в 15-20 минутах ходьбы друг от друга. Он лично знал мухтара Чаглаяна, как и почти всех мухтаров. Салиха, Селима и Хасана Орхана он лично не знал. Он не помнил, что в то время в Чаглаяне существовала особая террористическая проблема.

176. Свидетель сначала сказал, что не помнит, чтобы получал жалобу или слышал о том, что Чаглаяна сожгли сотрудники силовых структур. Затем он согласился с тем, что заявитель сделал это заявление ему в июле 1994 г., когда главный прокурор Кулпа просил его обеспечить явку заявителя. Однако, поскольку дело уже было передано прокурору, он не имел полномочий проводить

расследование. Он не мог вспомнить, был ли он в Чаглаяне после мая 1994 года. Он также не мог припомнить, чтобы когда-либо видел, как сжигали какую-либо деревню в этом районе.

177. Он не мог вспомнить ни одной жалобы на Орханов или каких-либо других трех человек, задержанных военными и исчезнувших после этого. Он не помнил ни Хаджи Мехмета, ни Мехмета Эмре из Гюмюссую, ни разговоров с ними.

178. Время от времени в районе проводились операции подразделениями из-за пределов района, но жандармы не знали, что это за подразделения. Когда операции должны были проводиться в районе, находящемся под юрисдикцией его участка, штаб жандармерии провинции Диярбакыр передавал координаты начальнику жандармерии района Кулп (Али Эргюльмес), который устно информировал свидетеля, чтобы жандармы его участка избегали операции. область. Ему не сообщили о принадлежности соответствующей воинской части, и он не знал, знал ли об этом начальник окружной жандармерии. Поскольку ему никогда не сообщали о личности подразделений, он не помнил никаких операций подразделения Болу 20 апреля 1994 года и, следовательно, не мог передать эту информацию мухтару Чаглаяна, как утверждалось.

179. Если воинские части из-за пределов области задерживали кого-либо во время операции, они должны были передать этого человека в жандармерию, в ведении которой они действовали. Таким образом, если кто-либо был задержан в пределах юрисдикции Зейрекского жандармерического участка, задержанный передавался Зейреку или непосредственно Кулпу, откуда при необходимости лицо передавалось прокурору. На станции Зейрек была небольшая камера хранения (вместимость 2-3 человека только на 1-2 часа). Как правило, воинская часть будет иметь связь с жандармерией района Кулп, а не с его станцией. Он не припоминал таких контактов даже с подразделениями, которые он видел проходящим мимо его участка, и ему никогда не передавали задержанных. Если бы у него был такой контакт, свидетель сказал, что он бы запомнил его.

180. В протоколах содержания под стражей в жандармерии будет указано, кем и по чьему приказу данное лицо было взято под стражу. Соответственно, он подтвердил, что изучение протоколов содержания под стражей в Зейреке за соответствующий период продемонстрирует, был ли кто-либо выдан военными. Все задержанные, независимо от того, содержались ли они в камере содержания под стражей или где-либо еще в отделении, были внесены в протокол задержания. Свидетель идентифицировал протоколы содержания под стражей за соответствующий период со своего участка. Дата, отмеченная в этом протоколе, была датой и временем первого взятия лица под стражу. Задержанные, для которых не нашлось места в камере содержания под

стражей, в отделении жандармерии Кулпа будут содержаться в столовой того же здания. Тот факт, что помещения этой станции были заполнены, не должен был беспокоить воинские части.

181. Он не помнит, чтобы прокурор когда-либо задавал ему какие-либо вопросы по заявлениям об исчезновении Орханов или уничтожении Чаглаяна. Он не помнил, чтобы брал показания у этих жителей деревни.

б. Али Эргюльмез

182. Свидетель родился в 1956 году. С 1993 по 1995 год он был начальником жандармерии Кулпского района. К его участку была прикреплена Зейрекская жандармерия. Его командование было прикреплено к штабу жандармерии провинции Диярбакыр.

183. Свидетель знал Чаглаяна: он был прикреплен к Зейрекской жандармерии. Чаглаян находился примерно в 50 километрах от Кулпа и был одной из 52 деревень в районе Кулпа. В соответствующее время террористическая угроза существовала на всей территории Кулпа, во всех без исключения его селах и селлах. РПК угрожала местным жителям, чтобы получить то, что они хотели. Он согласился с тем, что у силовиков нет проблем с местным населением, а скорее с РПК. Он не мог вспомнить ни заявителя, ни количество домов в Чаглаяне.

184. Он подтвердил, что в то время в Болу находился полк командос. Штаб жандармерии провинции Диярбакыр сообщал ему, как правило, в устной форме, что операция должна быть проведена определенным образом и в определенном месте между определенными датами. Им сказали не выходить на миссию между этими датами. Никаких подробностей, даже названия воинской части не упоминалось. Любые жандармские записи об этих военных операциях будут храниться в провинциальном штабе жандармерии. Он не помнил, были ли какие-либо крупные передвижения войск в Чаглаяне или в его районе в апреле-мае 1994 года.

185. Когда ему сообщили, что утверждалось, что Ахмет Поташ сказал мухтару, что соответствующие войска были из Болу, он заявил, что не верит, что Ахмет Поташ сделает такое заявление, и предложил прямую конфронтацию между ним и людьми, выдвигающими такое обвинение. , предложение конфронтации, которое он повторил во время своих показаний.

186. Он не помнит визита мухтара 7 мая 1994 года. Она также не помнит никаких утверждений о том, что Чаглаян был сожжен, или разрешения остаться до сбора урожая. Он настаивал на том, что в период с 1993 по 1995 год в Кулпе каждый день происходило бесчисленное количество инцидентов, и что он не мог вспомнить каждый из них.

187. Он не помнит жалобы заявителя или кого-либо еще на задержание Орханов 6 мая 1994 г. или жалобы заявителя на этот счет. Это было много лет назад, и он не мог запомнить каждую жалобу каждого человека в его участок: за два года работы в Кульпском районном жандармерическом управлении он разговаривал в среднем со 100 или 150 людьми каждый день. 1993-1995 годы были периодом активной террористической деятельности, все считали себя обиженными террористами и все просили о помощи.

188. Он не помнит, чтобы к нему когда-либо обращался какой-либо прокурор с вопросом об исчезновении Орханов, и он отрицал, что знает о каком-либо расследовании, несмотря на то, что ему показали письмо губернатора района Кулп от 9 мая 1997 г. на имя губернатора провинции (см. пункт 84 выше). Он не вспомнил Юмита Шеночака, не говоря уже о расследовании, проведенном этим офицером, даже когда ему было указано, что Юмит Шеночак в соответствующее время был его заместителем в отделении жандармерии Кулпа.

189. В управлении жандармерии Кулпского района имелись следственные изоляторы. Эти помещения вмещали от 2 до 3 человек. Людей, задержанных за какие-либо правонарушения, сначала обыскивали, а затем направляли к врачу для медицинского освидетельствования и составления заключения. При оформлении медицинского заключения задержанный был внесен в учетную запись камеры содержания под стражей самим начальником участка. После завершения допроса они будут переданы прокурору. Будет получено медицинское заключение для прокурора, а ценности задержанного будут переданы жандармам под расписку. Он считал, что его протокол содержания под стражей в порядке. Если военные задерживают кого-либо, требующего задержания, они связываются с провинциальным штабом жандармерии.

190. Он изначально подтвердил, что человек заносится в протокол, когда его или ее помещают в камеру предварительного заключения. При дальнейшем допросе он пояснил, что в случае отсутствия места в камере предварительного заключения и содержания лица под стражей в другом месте здания, задержанный все равно будет внесен в протокол задержания. Однако свидетель никогда не сталкивался с такой ситуацией за всю свою карьеру.

191. Он согласился с тем, что, вообще говоря, если бы он услышал жалобу на то, что силы безопасности разрушили деревню, он бы подумал, что ответственность за это лежит на РПК, и что эта жалоба была пропагандистским упражнением, направленным на то, чтобы обвинить силы безопасности. Он привел один пример из бесчисленных подобных инцидентов, которые он вспомнил, об Исламе в районе Кулпа, который, как всем было известно, был сожжен РПК примерно в 1992 году, но пожар был приписан государству. Разве не правда, что

РПК утверждала себя и свою борьбу? Разве РПК не достигла этой цели, убив 30 000 невинных людей? Разве РПК не запугала людей? Свидетель утверждал, что РПК сожгла тысячи деревень и убила тысячи людей.

192. Этот свидетель квалифицировал обвинения заявителя как «необоснованные клеветы», направленные исключительно на защиту его интересов. Он установил вероятность того, что государство уничтожит деревню, как 1000 к 1. Что касается силовиков, которые задерживают граждан, убивают этих людей, а затем избавляются от тел, свидетель воскликнул, что он даже не дал бы такой возможности 1000 к 1, потому что военные никогда не сделали бы такого.

7. Умит Шеночак

193. Свидетель родился в 1966 году. Примерно с середины июля по ноябрь 1994 года он был временно прикомандирован к районному управлению жандармерии Кулпа. В этот период он примерно 20 дней замещал своего начальника Али Эргюльмеза. В противном случае он был на операции.

194. Свидетель подчеркнул эту периферийную связь с управлением жандармерии округа Кулп, чтобы объяснить свое незначительное участие в расследовании дела Орхана и ограниченные воспоминания о нем. Он опознал письмо от него главному прокурору Кулпа от 22 июля 1994 года: это была сумма его воспоминаний о жалобе Орханов. Он уточнил, что его подтверждение в нем о том, что Орханы не были задержаны «нашим командованием», включало в себя участки при управлении жандармерии Кулпского района. Большая часть расследования этого письма была завершена до того, как он прибыл в Кулп, или была проведена подчиненными офицерами, пока он был там. Соответственно, он не имел представления о конкретных шагах, предпринятых в ходе расследования, о котором говорилось в его письме. Действительно, письмо, которое он подписал 22 июля 1994 г., должно было быть написано подчиненным офицером, и он, возможно, даже не просматривал письмо от 8 июня 1994 г., на которое ссылалось его собственное письмо. Он не смог сказать, кто принял решение о том, что является «необходимым расследованием», и будут ли или могут быть запрошены или получены какие-либо указания от соответствующей прокуратуры. Он не смог описать дальнейшие следственные действия, обещанные в его письме от 22 июля 1994 г.

195. Свидетель указал, что оперативное подразделение обычно не задерживает людей. Они делают это только в том случае, если произошел конкретный инцидент, например, у кого-то было обнаружено ношение огнестрельного оружия без лицензии. После задержания подозреваемый передается в соответствующее районное

управление жандармерии и в тот участок, который заключает подозреваемого под стражу.

196. Первоначально он заявил, что по протоколам задержания можно сказать, задержали ли кого-то жандармы или военные. Однако, изучив эти записи перед делегатами, он пришел к выводу, что записи о содержании под стражей на самом деле не содержат такой информации.

197. Он не помнит, чтобы когда-либо сталкивался с какими-либо военными подразделениями из-за пределов региона, проводившими операцию в этом районе во время своего пребывания в Кулпе. Он также подтвердил, что окружное управление жандармерии из соображений безопасности уведомлено в устной форме о координатах местности, где будет проходить военная операция, и попросило держаться подальше.

198. В отличие от Али Эргюльмеза, свидетель даже не согласился с вероятностью 1000 к 1, что военное подразделение несет ответственность за сожжение деревни и исчезновение людей: по его мнению, это просто невозможно. В 1994 году РПК вела активную деятельность в районе Кулпа и Личе, и свидетель видел сожженные деревни во время операций в этом районе. Он считал, что ответственность за это несет РПК, основываясь на своем личном опыте двух рейдов РПК в деревнях.

8. Камил Ташчи,

199. Свидетель родился в 1966 году. В то время он был начальником Кулпского центрального отделения жандармерии. Поскольку его станция была прикреплена к командованию жандармерии округа Кулп, Али Эргюльмез был его старшим офицером.

200. В одном здании располагались Кульпская центральная и районная жандармерии. Поэтому в этом здании была только одна камера содержания под стражей, рассчитанная на двух-трех задержанных, и это помещение было прикреплено к центральной станции и находилось в ее ведении. Лишние задержанные задерживались где-то в здании Центральной жандармерии, но все равно числились в списках задержанных. Окончательная ответственность за ведение записей лежала на свидетеле как на начальнике участка, но если его не было, два его помощника завершали запись.

201. Свидетель знал Чаглаяна только по имени и никогда не был там. Он не мог вспомнить, проводилась ли в апреле и мае 1994 года вокруг Чаглаяна операция с участием подразделений из-за пределов региона. В этом районе было проведено много операций, и он не помнит точных дат или охваченных территорий. Поскольку им никогда не сообщали о личности подразделений (только о районе

операции), он не мог конкретно сказать, было ли там подразделение Болу. Его жандармы не проводили совместных операций с подразделениями из-за пределов области. Операционные подразделения, как правило, базировались за пределами населенных пунктов.

202. Он не знал, где в Лидже базировались войска. Он знал, что в Лисе, как и в каждом районе, есть школа-интернат. Он никогда не слышал, чтобы в школе-интернате Личе размещались воинские части из-за пределов региона. Он никогда не слышал никаких утверждений о сожжении солдатами села Чаглаян 6 мая 1994 года. Единственным его воспоминанием о том, что Орханы были задержаны воинской частью и исчезли, было довольно смутное воспоминание о переписке с прокуратурой Кулпа. Свидетель также подтвердил, что, если кого-то задержала воинская часть при проведении операции, она была бы обязана передать задержанного жандармам: у таких частей нет помещений для содержания под стражей или полномочий на задержание.

203. Лица, задержанные и отправленные станцией Зейрек в Управление жандармерии Кулпа, не прошли бы через его руки, поскольку последнее управление передало бы задержанного прокурору, если бы подозреваемый не мог быть доставлен к прокурору только на следующий день, в котором В этом случае центральный участок жандармерии задержал бы подозреваемого в камере задержания до следующего дня.

204. Первоначально подтвердив, что в протоколе задержания не будет указано, кто первоначально задержал человека, жандарм или военный, в ходе перекрестного допроса он подтвердил, что последняя информация может быть получена из протоколов задержания в разделе «причины ареста». . Затем он вернулся к своей исходной позиции, добавив, что важна причина задержания, а не то, кто задержал человека. Поэтому он согласился с тем, что некоторые из лиц, перечисленных в его протоколах содержания под стражей, могли быть переданы ему воинскими частями из-за пределов региона без отражения этого в протоколе задержания. Он также согласился с тем, что это означает, что протокол содержания под стражей не будет содержать каких-либо документальных доказательств в отношении лица, которое впоследствии утверждало, что сотрудники сил задержания жестоко обращались с ним перед передачей его жандармам.

205. Подтвердив, что он должен был заполнить все графы в протоколе задержания, свидетель признал, когда ему были показаны записи из его отдела за соответствующее время, что дата освобождения не была указана для 6 задержанных. Он согласился с тем, что поэтому невозможно с уверенностью сказать из протоколов

содержания под стражей, когда эти 6 человек были освобождены. Было бы возможно проверить, был ли кто-то направлен к прокурору, проверив протокол расследования, составленный жандармом, отправленный вместе с лицом прокурору и сохраненный в деле прокурора, и, если кто-то был освобожден, проверив в больничных записях о том, что задержанный проходит медицинский осмотр при освобождении.

9. Шахан Ярали

206. Свидетелем был начальник жандармерии Лического района с 1993 по 1995 год, участок, расположенный на окраине города возле школы-интерната Личе. К его участку примыкали центральный жандармский участок (который находился в том же здании и которым командовал Хасан Чакир) и четыре отдаленных участка. Был один набор помещений для содержания под стражей, который был разделен между районным и центральным участками и располагался на центральном участке.

207. Он не припомнил никаких утверждений о том, что солдаты несут ответственность за сожжение Чаглаяна или исчезновение Орханов. Он не знал Чаглаяна. Он не помнил, чтобы когда-либо каким-либо образом участвовал в расследовании предполагаемого исчезновения Орханов или в какой-либо переписке с Управлением жандармерии Лического района или от нее о каком-либо таком расследовании.

208. Он подтвердил, что широкомасштабные боевые действия проводились, в частности, полком Болу в районах Личе, Кулп и Ширнак в течение двух лет его службы. Он не мог вспомнить ни одной конкретной операции.

209. Координаты планируемой операции сообщались его командованию за день или полдня до ее проведения штабом губернской жандармерии. Им будет рекомендовано не входить в зону операции. Если бы операция планировалась заранее, эта информация была бы передана в письменном виде на предварительно распечатанной форме, называемой формой предварительного отчета (тогда как о экстренной операции сообщалось только устно). Бланк предварительного отчета рядовым не выдавался в целях конфиденциальности: его получило бы лицо, ответственное за информационный центр, и принесло бы свидетелю. Если бы требовалось оповестить подчиненные подразделения, он сделал бы это по телефону.

210. Он также подтвердил, что в школе-интернате Личе расквартированы воинские части из-за пределов региона, и что он знал эту школу. Студенты, преподаватели, воинские части и другие сотрудники были размещены в одних и тех же зданиях на территории

школы. При входе на территорию областной школы-интерната была проведена проверка безопасности. Там было три отдельных, но почти одинаковых трехэтажных здания. В первом корпусе были классы, во втором - студенческие общежития, санузлы и столовая (емехане).

211. Третье здание было построено с классными комнатами. Сначала он сказал, что это здание не использовалось до того, как там стали расквартировывать воинские части. Однако позже он показал, что третье здание не пустовало до того, как в нем разместились войска, поскольку его первый этаж использовался административным персоналом школы и учениками, а классы на втором и третьем этажах использовались в качестве общежитий для военных (батальон солдат). максимум 700-800 человек). Таким образом, третье здание совместно использовалось военными, студентами и учителями.

212. Первоначально он показал, что эскиз школы, представленный властями Российской Федерации в вышеупомянутом деле Чичека, представляет собой одно из первых двух зданий, в которых жили учащиеся. Впоследствии он не был уверен в этом, а затем подтвердил, что эти планы, по-видимому, представляют собой общее третье здание.

213. У солдат были более высокие звания, так что было бы профессиональной невежливостью совать нос в то, что происходит в школе-интернате Личе. Однако «судебные обязанности» являются исключением из этого правила. Соответственно, если человек был задержан во время операции воинской частью (если эта часть столкнулась с уже подозреваемым в правонарушении или пойманым на совершении преступления), то это лицо должно было быть передано жандармам. Был составлен протокол о вручении, приложенный к следственному делу, составленному жандармами и переданному прокурору. Этот протокол должен включать запись о том, где и когда задержанный был первоначально задержан.

214. Из протоколов содержания под стражей Центральной станции жандармерии Личе было невозможно определить, было ли указанное в них лицо первоначально задержано военными или жандармами, если только – и это не было обязательным – об этом была сделана отметка в графе, озаглавленной "Комментарии". Таким образом, личность жандармерии или воинской части, которая первоначально задержала человека, не может быть установлена из протоколов задержания, как, например, в случае записи № 43 (Рамазан Айчичек).

215. В 1994 году вместимость камеры содержания под стражей Центрального отделения жандармерии Личе составляла 7-8 человек. Любые задержанные, превышающие это число, будут помещены в подходящее место в центральном здании, с ними будет выставлена охрана, и они будут внесены в протокол задержания, если они будут задержаны. Однако некоторые лица, которые не могли уйти (поскольку они содержались под стражей в ожидании допроса), не

обязательно значились в протоколе содержания под стражей до тех пор, пока не было принято решение об их задержании.

10. Хасан Чакир

216. Свидетель родился в 1962 году. Он был начальником центрального отделения жандармерии Личе с августа 1992 года по июль 1994 года. Его участок был прикреплен к отделению жандармерии Лического района и располагался в том же здании, что и Шахап Ярали, поэтому он был его начальником. Свидетель не знал Чаглаяна: он не был привязан к его станции.

217. Он знал школу-интернат Личе, так как бывал там несколько раз. Когда ему напомнили, что его показания по вышеупомянутому делу Чичека свидетельствуют о наличии только одного здания, он подтвердил, что на самом деле было 3 больших здания.

218. Однако его показания относительно планировки каждого здания много раз менялись на протяжении его показаний, последняя версия была следующей.

219. В первом корпусе находились трапезная (емехане), библиотека и административные помещения вместе с классными комнатами на первом и втором этажах. Во втором корпусе находились только общежития для студентов.

220. Третий также был построен как учебный корпус с классными комнатами. Он не мог вспомнить, была ли там библиотека, но подтвердил, что на первом этаже была трапезная (йемехане), из которой солдаты могли получать горячую пищу. Студенты могли пользоваться столовой (kantin) (или столовой - kafeterya) на первом этаже, где они могли купить вещи. Некоторые административные помещения, из которых работали учителя, также находились на первом этаже. Классы на втором и третьем этажах иногда использовались военными как общежития, и в них мог разместиться батальон из 700-800 солдат. Он не соглашался с тем, что нецелесообразно держать солдат и студентов в одном доме: какие-то меры были приняты, но студенты и солдаты были в хороших отношениях.

221. Ему показали эскиз школы, представленный властями Российской Федерации по делу Чичека. Сначала он сказал, что эти планы касаются первого здания, затем сказал, что не уверен, а позже подтвердил, что в любом случае это не третье здание.

222. У него не было власти или каких-либо функций в отношении военных в школе-интернате. Там не базировались жандармы, и жандармский контроль не проводился, пока там находились военные. Он согласился с тем, что военная часть могла задержать кого-то в школе-интернате Личе без ведома жандарма.

223. Он подтвердил, что воинские части из-за пределов региона (в том числе полк Болу) действовали в его районе. Все офицеры

жандармерии его уровня знали бы, когда проводится операция. Они не знали бы всех подробностей, но знали бы в общих чертах, откуда прибыла часть и куда она пойдет на операцию. Перед такими операциями воинским частям выдавался список подозреваемых, и если подозреваемые были задержаны во время операции, эти лица могли удерживаться частью до ее возвращения из операции, когда они будут переданы жандармам.

224. Свидетель ясно дал понять в своих показаниях, что невозможно определить только по протоколу задержания, был ли задержанный первоначально задержан жандармами или военными.

225. Свидетелю напомнили, что в деле Чичека его попросили объяснить, почему имена некоторых лиц, которые были отмечены в протоколах содержания под стражей в Диярбакыре как переведенные из центрального отделения жандармерии Личе, не значатся в протоколах содержания под стражей в этом отделении. Объяснение, которое он дал в этом случае, заключалось в том, что иногда в помещении для содержания под стражей было «влажно», задержанные находились под наблюдением вне помещения для содержания под стражей и в таких обстоятельствах не записывались в протокол задержания. Он добавил, что лица, задержанные для дальнейшего расследования или задержанные по воинским обвинениям, могут быть задержаны за пределами камеры содержания под стражей без внесения в протокол задержания в течение нескольких часов, пока соответствующие процедуры завершены, прежде чем они будут переданы соответствующему прокурору.

11. Азиз Йылдыз

226. Свидетель родился в 1967 году. Он сменил Хасана Чакира на посту начальника центрального отделения жандармерии Личе в середине июля 1994 года и занимал эту должность в течение 2 лет.

227. До дачи показаний свидетель никогда не слышал утверждений о сожжении Чаглаяна или исчезновении Орханов. Он считал неправильным обсуждать такие обвинения, поскольку вооруженные силы были на стороне народа, и было немыслимо, чтобы что-то подобное могло произойти.

228. Свидетель подтвердил, что, пока он находился в Личе, воинские части из-за пределов этого района часто проводили операции в его районе. Командир жандармерии Лического района (Шахап Ярали) устно сообщал ему, что операции будут проводиться в определенных районах, давая ему координаты карт этих районов, лишь иногда обозначая подразделения. В дело вступило много подразделений, иногда подразделение было из Болу.

229. Хотя он не мог вспомнить какой-либо конкретный случай, подразделения не имели права задерживать людей и должны были

доставлять лиц, задержанных в районе операции, в свое подразделение, а оттуда в отделение жандармерии.

230. Он указал свою собственную подпись в протоколах содержания под стражей Центрального жандармского участка Личе за июль 1994 года. Он согласился с тем, что в протоколах задержания не будет указано, кто (военные или жандармы) первоначально задержал человека, но другие жандармские протоколы, содержащие эту информацию, будут находиться на прокурорское дело. Если лицо не направлялось в прокуратуру, эти дополнительные протоколы сохранялись в жандармерии.

231. Он также подтвердил, что лица могут находиться в отделении жандармерии, не выходя на свободу и при этом не быть формально «взятыми под стражу» и вписанными в протокол задержания (когда, например, следственная документация может быть оформлена в течение нескольких часов) .

232. Он также заявил, что воинские части часто размещались в школе-интернате Личе в свободных помещениях. Поскольку это был период интенсивной деятельности РПК в регионе, в школе редко оставались военные. Когда там были военные, школа находилась под их юрисдикцией и контролем.

233. Свидетель посещал школу-интернат и сказал, что поэтому может предположить ее приблизительную структуру.

234. Когда его спросили, почему он поэтому посещает школу, он сначала сказал, что военные иногда звонили его командующему округом, когда они задерживали кого-то во время операции, и его просили пойти в школу для этой цели. На просьбу уточнить, таким образом, воинская часть доставляет задержанного сначала в школу, а затем передает его жандармам, свидетель сказал, что встречает военных по пути в школу, а позже добавил, что военные, как правило, дойти почти до своего участка, чтобы выдать задержанных.

235. Действительно, военному подразделению было «невозможно» задерживать людей в школе. Когда ему сообщили, что его предшественник в центральном отделении жандармерии Личе (Хасан Чакрыр) сказал, что это возможно, свидетель ответил, что нет смысла доставлять задержанных в школу, и он понятия не имеет, о чем говорит Хасан Чакрыр.

236. Свидетель вспомнил три основных здания вместе с несколькими небольшими жилыми помещениями для персонала. В одном из корпусов располагались классы, во втором — студенческая столовая (емехане) и общежития. Военных разместили в третьем корпусе, вероятно, в комнатах, изначально предназначавшихся для учебных классов. Некоторые учителя школы использовали административные помещения на первом этаже. В подвале также было место, где учителя, студенты и солдаты вместе играли в настольный

теннис. Библиотека также располагалась в третьем корпусе, и, вероятно, в этом здании была еще одна трапезная (йемехане) для военных. Позже он подтвердил, что это была столовая (кантин) в третьем корпусе, где продавали еду и даже одежду как студентам, так и военным.

237. Он не может сказать, к какому зданию относится эскиз школы, представленный властями Российской Федерации по делу Чичека.

12. Мустафа Атагюн

238. Свидетель, 1949 года рождения, был прокурором в прокуратуре Диярбакыра.

239. Единственным его воспоминанием и единственной причастностью к утверждениям о сожжении Чаглаяна и исчезновении Орханов были показания, которые он взял у заявителя 2 мая 1995 г. в Диярбакыре, и последующее письмо от 3 мая 1995 г. Главный прокурор Кульпа.

240. Учитывая местонахождение Чаглаяна, судебное расследование должно было проводиться главным прокурором Кульпа. Он не участвовал в этом расследовании. Он принял показания заявителя из-за письма Министерства юстиции от 20 апреля 1995 г. Таким образом, он был каналом, через который Министерство могло направлять свои запросы в подчиненные и компетентные районные прокуратуры (в данном случае в Кулп). Причина, по которой он лично допросил заявителя, заключалась в том, что министерство попросило его установить пожелания заявителя и подлинность доверенности, подписанной в пользу британских адвокатов, и, сделав это, определить, какие действия были предприняты. в связи с его заявлением. Из беседы прокурор узнал, к какому району относится жалоба, объем и вид рассматриваемой жалобы, а также какие документы должны быть запрошены и из какого округа. Отсюда его письмо от 3 мая 1995 года главному прокурору Кульпа.

241. Показания заявителя были взяты секретарем в оживленном помещении секретариата в здании суда Диярбакыра, а не в отдельной комнате для допросов. Свидетель следовал стандартной процедуре для таких вопросов: свидетель задавал вопросы, заявитель отвечал, свидетель слушал и диктовал секретарю, который записывал показания заявителя, пока заявитель слушал. Свидетель показал заявителю бланк доверенности и спросил заявителя, была ли это его подпись и знал ли он, что она означает. Секретарь печатал ответы заявителя, громко продиктованные свидетелем; свидетель убедился, что заявителю нечего добавить, зачитал заявление заявителю, и все трое присутствующих подписали его. Заявитель откровенно рассказал свою историю, искренне и без принуждения, что было точно

зафиксировано в его показаниях. Свидетель не мог понять, почему заявитель позже передумал.

242. Свидетель отрицал, что был зол, и указал, что, если бы он хотел защитить государство, он бы пропустил критические замечания заявителя по отношению к государству.

13. Мехмет Йондер

243. Свидетель, 1969 года рождения, был одним из двух прокуроров Главной прокуратуры Кулпа (январь 1995 г. – октябрь 1996 г.).

244. Два прокурора в Кулпе разделили работу между собой. Когда прокурор, рассматривавший жалобу заявителя, был в отпуске, он просмотрел материалы дела и счел необходимым два письма: письмо от 6 апреля 1995 г. (главному прокурору Личе), поскольку не было получено ответа на письмо его ведомства от 11 июля 1994 г. и от 16 мая 1995 г. (главному прокурору Диярбакыра).

245. Свидетель ознакомился с делом главного прокурора Кулпа до дачи показаний, и ему были заданы некоторые общие вопросы о расследовании.

246. Сначала он подтвердил, что как военными, так и гражданскими властями было проведено очень подробное расследование. Однако затем ему было указано, что в отчете от 15 мая 1997 года отмечалось несколько утверждений о том, что Орханы были задержаны полком Болу, и что в деле не было доказательств какого-либо расследования этого полка, и его спросили, было ли это было удовлетворительное состояние. Он ответил, что в расследовании «явно имел место недостаток». Что касается того, почему в досье имелись два отчета о расследовании (один от 15 мая 1997 г., подписанный Камилем Гюндюзом, и один от 6 июля 1999 г., подписанный Юнусом Гюнешем), свидетель указал, что председатель районного административного совета мог выбрать в своем осмотрительность,

247. Он также подтвердил, что для посещения Рамазана Айчичека в тюрьме Личе лицом, не являющимся его родственником, требовалось разрешение компетентного прокурора.

248. Наконец, свидетель подтвердил, что вопрос о том, какие указания прокурор может дать жандармам, проводящим расследование, зависит от их усмотрения. Иногда никаких указаний не давали. Он также подтвердил, что в соответствии с общей практикой было бы нормально сообщить заявителю решение прокурора об отсутствии юрисдикции.

А. Чрезвычайное положение

249. Примерно с 1985 года на юго-востоке Турции бушуют серьезные беспорядки между силами безопасности и членами РПК (Рабочей партии Курдистана). По данным правительства, это столкновение унесло жизни тысяч гражданских лиц и сотрудников сил безопасности. К 1996 году насилие унесло жизни 4036 мирных жителей и 3884 сотрудника сил безопасности. С 1987 года в десяти из одиннадцати провинций юго-восточной Турции действует чрезвычайное положение.

250. В соответствии с Законом о чрезвычайном положении (Закон № 2935 от 25 октября 1983 г.) были приняты два основных указа, касающихся юго-восточного региона. Указ № Постановлением № 285 (от 10 июля 1987 г.) учреждено региональное управление чрезвычайного положения в десяти из одиннадцати провинций юго-восточной Турции. В соответствии со статьей 4 (b) и (d) указа все силы общественной безопасности и Командование общественного порядка жандармерии находятся в распоряжении губернатора региона. Указ № Постановлением № 430 (от 16 декабря 1990 г.) усилены полномочия губернатора области.

В. Уголовное право и процесс

251. Уголовный кодекс Турции квалифицирует это как уголовное преступление, в частности:

- незаконно лишить кого-либо свободы (статья 179 в целом, статья 181 в отношении государственных служащих);
- подвергать кого-либо пыткам и жестокому обращению (статьи 243 и 245);
- совершить неумышленное убийство (статьи 452, 459), умышленное убийство (статья 448) и убийство (статья 450);
- совершение поджога (статьи 369, 370, 371, 372) или поджога при отягчающих обстоятельствах, если существует опасность для жизни человека (статья 382);
- совершить непреднамеренный поджог по неосторожности, неосторожности или неопытности (статья 383); и
- умышленное повреждение чужого имущества (статья 526 и последующие).

252. Обязанности властей в отношении проведения предварительного расследования действий или бездействия, могущих квалифицировать такие преступления, которые были доведены до их сведения, регулируются статьями 151–153 Уголовно-процессуального кодекса. О правонарушениях можно сообщать властям или силам безопасности, а также в прокуратуру. Жалоба может быть подана в

письменной или устной форме. Если оно сделано устно, орган должен сделать запись об этом (статья 151).

Если есть основания предполагать, что смерть не наступила по естественным причинам, сотрудники сил безопасности, проинформированные об этом факте, обязаны сообщить об этом прокурору или судье по уголовным делам (статья 152). В соответствии со статьей 235 Уголовного кодекса любое должностное лицо, не сообщившее в полицию или прокуратуру о правонарушении, о котором ему стало известно при исполнении служебных обязанностей, подлежит тюремному заключению. Прокурор, уведомленный любым способом о ситуации, вызывающей подозрение в совершении правонарушения, обязан исследовать факты для принятия решения о возбуждении уголовного дела (статья 153 УК РФ). Уголовный процесс). Заявитель может обжаловать постановление прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела.

253. В случае предполагаемых террористических преступлений прокурор лишен юрисдикции в пользу отдельной системы прокуроров и судов государственной безопасности, созданных по всей Турции.

254. Если подозреваемый преступник является государственным служащим и если преступление было совершено при исполнении им служебных обязанностей, предварительное следствие по делу регулируется Законом 1914 г. о привлечении к ответственности государственных служащих, который ограничивает юрисдикцию прокурора *ratione personae* в отношении той стадии разбирательства. Таким образом, любой прокурор, получив жалобу о преступном действии сотрудника силовых структур, должен принять решение о неподсудности и передать дело в соответствующий местный административный совет (для района или провинции, в зависимости от статуса подозреваемого). . Этот совет назначит судью для проведения предварительного расследования, на основании которого совет примет решение о возбуждении уголовного дела. Эти советы состоят из государственных служащих под председательством губернатора. Если принято решение о возбуждении уголовного дела, расследование дела возлагается на прокурора. Решение об отказе в судебном преследовании подлежит автоматической апелляции в Верховный административный суд.

255. В силу пункта (i) статьи 4 Законодательного декрета №. 285, Закон 1914 г. о привлечении к ответственности государственных служащих распространяется также на сотрудников сил безопасности, подчиняющихся губернатору.

256. Если подозреваемый является военнослужащим, применимое право определяется характером правонарушения. Таким образом, если речь идет о «воинском правонарушении» по Военно-уголовному кодексу (Закон № 1632), уголовное преследование в принципе ведется

в соответствии с Законом № 1632. № 353 об учреждении военных судов и их регламенте. Если военнослужащий обвиняется в совершении общеуголовного преступления, обычно применяются положения Уголовно-процессуального кодекса (см. статью 145 § 1 Конституции и статьи 9–14 Закона № 353).

С. Гражданская и административная ответственность за уголовные правонарушения

257. В соответствии со статьей 13 Закона №. 2577 об административных процедурах, любое лицо, которому причинен ущерб в результате действия властей, может в течение одного года после совершения предполагаемого действия потребовать компенсацию. В случае полного или частичного отклонения иска или отсутствия ответа в течение шестидесяти дней потерпевший может возбудить административное производство.

258. Статья 125 §§ 1 и 7 Конституции предусматривает:

«Все акты или решения властей подлежат судебному пересмотру...

Власти обязаны возместить весь ущерб, причиненный их действиями или мерами».

259. Это положение устанавливает строгую ответственность государства, которая наступает, если будет доказано, что в обстоятельствах конкретного дела государство не выполнило своего обязательства по поддержанию общественного порядка, обеспечению общественной безопасности или защите жизни или имущества людей, если в этом нет необходимости. показать деликтное деяние, приписываемое властям. Таким образом, в соответствии с этими правилами власти могут быть привлечены к ответственности за компенсацию любому лицу, понесшему ущерб в результате действий, совершенных неустановленными лицами.

260. Однако статья 8 Законодательного декрета №. № 430 (от 16 декабря 1990 г.) предусматривает:

«Никакая уголовная, финансовая или юридическая ответственность не может быть привлечена к ... губернатору района чрезвычайного положения или губернаторам провинций в этом регионе в отношении решений, принятых или совершенных ими при осуществлении полномочий, предоставленных им. их этим законодательным декретом, и с этой целью не должно подаваться никаких заявлений в какие-либо судебные органы. Это не ущемляет прав отдельных лиц требовать от государства возмещения ущерба, причиненного им безосновательно».

261. В соответствии с Обязательственно-правовым кодексом любое лицо, которому причинен ущерб в результате незаконных или деликтных действий, может предъявить иск о возмещении ущерба

(статьи 41–46) и морального вреда (статья 47). Гражданские суды не связаны ни выводами, ни вердиктом уголовного суда по вопросу о виновности подсудимого (статья 53).

262. Однако в соответствии со статьей 13 Закона №. 657 о государственных служащих, любое лицо, понесшее ущерб в результате действия, совершенного при исполнении обязанностей, регулируемых публичным правом, может, в принципе, подать иск только против органа, в котором работает соответствующий государственный служащий, а не непосредственно против государственной служащий (см. статью 129 § 5 Конституции и статьи 55 и 100 Обязательственного кодекса). Однако это не абсолютное правило. Когда действие признано незаконным или деликтным и, следовательно, больше не является «административным действием» или поступком, гражданские суды могут разрешить предъявление иска о возмещении ущерба к соответствующему должностному лицу без ущерба для права потерпевшего предъявить иск. иск к органу на основании его солидарной ответственности как работодателя должностного лица (ст. 50 Обязательственно-правового кодекса).

ЗАКОН

I. ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

263. Заявитель утверждал, что он доказал, что Девебой был сожжен и эвакуирован, что Орханы были задержаны и впоследствии содержались под стражей без связи с внешним миром силами безопасности, что Орханы умерли в заключении и что власти не провели надлежащего расследования. Бремя доказывания как «баланса вероятностей», так и «вне всякого разумного сомнения» было снято, хотя он утверждал, что первое должно применяться. Правительство утверждало, что заявитель не доказал своих утверждений вне всякого разумного сомнения, применимого стандарта доказывания. Действительно, учитывая значительную активность РПК в регионе в то время, нельзя исключать, что РПК несет ответственность за любое исчезновение Орханов или что Орханы живы и с РПК.

A. Общие принципы

264. Суд напоминает о своей недавней судебной практике, подтверждающей стандарт доказывания «вне разумных сомнений» при

оценке доказательств (Авшар против Турции, № 25657/94, § 282, ECHR 2001). Такое доказательство может следовать из сосуществования достаточно сильных, ясных и согласованных выводов или подобных неопровергнутых презумпций факта. В этом контексте необходимо принимать во внимание поведение сторон при получении доказательств (решение «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18 января 1978 г., Серия А, т. 25, с. 65, § 161).

265. Суд учитывает вспомогательный характер своей роли и признает, что он должен проявлять осторожность, беря на себя роль суда по рассмотрению фактов первой инстанции, если это не становится неизбежным в силу обстоятельств конкретного дела (см., например, *McKerr* против Соединенного Королевства (реш.), № 28883/95, 4 апреля 2000 г.). Тем не менее, в тех случаях, когда выдвигаются обвинения в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции, Суд должен провести особенно тщательную проверку (см., *mutatis mutandis*, решение по делу *Рибич* против Австрии от 4 декабря 1995 г., Серия А, т. 336, § 32, и *Авшар* против Турции, упомянутое выше, § 283), даже если определенные внутригосударственные разбирательства и расследования уже состоялись.

В. Статья 38 § 1(а) и последующие выводы, сделанные Судом

266. Важно отметить, что разбирательство в соответствии с Конвенцией, такое как настоящее заявление, не во всех случаях поддается строгому применению принципа *assertanti incumbit probatio* (тот, кто утверждает что-либо, должен доказать это утверждение). Суд ранее постановил, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, созданной в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции (теперь замененной статьей 34), крайне важно, чтобы государства предоставили все необходимые возможности для обеспечения надлежащего и эффективное рассмотрение заявлений (*Tanrikulu* против Турции [БП], № 23763/94, § 70, ЕСПЧ 1999–IV). Это присуще разбирательствам, связанным с делами такого рода, когда отдельный заявитель обвиняет представителей государства в нарушении его прав в соответствии с Конвенцией, что в некоторых случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть эти утверждения. Непредставление Правительством такой информации, находящейся в его распоряжении, без удовлетворительного объяснения может не только привести к выводам относительно обоснованности утверждений заявителя, но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком с его обязательствами по статье 38 § 1 (а) Конвенции (*Тимурташ* против Турции, № 23531/94 §§ 66 и 70, ECHR 2000-VI). То же самое относится к задержкам со

стороны государства в представлении информации, которая препятствует установлению фактов по делу. Непредставление Правительством такой информации, находящейся в его распоряжении, без удовлетворительного объяснения может не только привести к выводам относительно обоснованности утверждений заявителя, но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком с его обязательствами по статье 38 § 1 (а) Конвенции (Тимурташ против Турции, № 23531/94 §§ 66 и 70, ECHR 2000-VI). То же самое относится к задержкам со стороны государства в представлении информации, которая препятствует установлению фактов по делу. Непредставление Правительством такой информации, находящейся в его распоряжении, без удовлетворительного объяснения может не только привести к выводам относительно обоснованности утверждений заявителя, но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком с его обязательствами по статье 38 § 1 (а) Конвенции (Тимурташ против Турции, № 23531/94 §§ 66 и 70, ECHR 2000-VI). То же самое относится к задержкам со стороны государства в представлении информации, которая препятствует установлению фактов по делу. но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции (Тимурташ против Турции, № 23531/94 §§ 66 и 70, ECHR 2000-VI) . То же самое относится к задержкам со стороны государства в представлении информации, которая препятствует установлению фактов по делу. но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции (Тимурташ против Турции, № 23531/94 §§ 66 и 70, ECHR 2000-VI) . То же самое относится к задержкам со стороны государства в представлении информации, которая препятствует установлению фактов по делу.

267. В этом отношении Суд с некоторой озабоченностью отметил три вопроса, касающиеся реакции Правительства на запросы органов Конвенции о документах, информации и свидетелях.

268. Во-первых, не прокомментировав запрос заявителя в январе 1998 г. о военных операциях в регионе за май 1994 г., Правительство было запрошено представить документы письмом от 13 сентября 1999 г. Перед Делегатами Правительство первоначально заявили, что у них не было протоколов операций, что они являются конфиденциальными и поэтому их трудно получить. В последний день свидетельских показаний делегаты отозвали свой запрос на эти записи. Затем правительству напомнили о неучтенных документах письмами от 28 октября 1999 г. и 13 марта 2000 г. Поскольку в замечаниях правительства от июня 2000 г. не упоминались неучтенные отчеты,

Суд направил дополнительные письменные напоминания 14 июня и 4 и 19 июля. 2000.

269. Суд считает, что сообщение в феврале 1995 г. бывшей Комиссией подробных утверждений заявителя означало, что с этой даты протоколы операций стали основополагающими для позиции властей Российской Федерации по фактам данного дела. Следовательно, дополнительная задержка после этих конкретных запросов о документах не была убедительно объяснена краткой ссылкой правительства на канцелярские ошибки и проблемы со связью. Кроме того, документ носит довольно краткий характер и представляет собой таблицу на одной странице, описывающую 30 военных операций в провинции Диярбакыр в период со 2 по 31 мая 1994 года. сколько войск было задействовано, где они были расквартированы или о цели или результате операций. Более того,

270. Во-вторых, Комиссия в своем письме от 10 мая 1999 года запросила личность и явку к своим делегатам командующего военными операциями в этом районе, предположительно полка Болу. В ответе правительства от 9 августа 1999 года этот вопрос не упоминался. Комиссия напомнила правительству в письмах от 9 августа и 13 сентября 1999 г. Хотя в первый день сбора делегатами показаний (октябрь 1999 г.) правительство указало, что оно не располагало информацией, на следующий день оно подтвердило, что ответственным офицером, проводившим операцию в этом районе, является генерал Явуз Эртюрк». Правительство добавило, во время устного слушания в Суде в мае 2001 г.,

271. Суд считает, что личность генерала Эртюрка и его доказательства также имели бы решающее значение для установления позиции правительства по фактам этого дела, которые, как отмечалось выше, были им сообщены в феврале 1995 года. почему этот офицер не мог быть опознан до октября 1999 г. во время сбора показаний, что лишило возможности заслушать его показания. Наконец, Комиссия, как и этот Суд, должна была решить, имеет ли значение свидетель для его оценки фактов и в какой степени. В этом последнем отношении Суд отмечает, что дело Акдениз касалось военной операции в то время (октябрь 1993 г.) и в месте (село Аладжа), которые отличались от той операции, о которой идет речь в настоящем деле.

272. В-третьих, что еще более важно, 10 мая 1999 г. Комиссия также запросила, среди прочего, личность и явку к Делегатам ответственного сотрудника школы-интерната Личе. Поскольку в ответе правительства от 9 августа 1999 г. эта информация была опущена, в августе и сентябре 1999 г. Комиссия направила дополнительные письменные напоминания. Указав делегатам в октябре 1999 г. на отсутствие информации, правительству напомнили об этом нерешенном вопросе в письме Комиссии и Суда от 28 октября 1999 г. и 13 марта 2000 г.

Замечания Правительства от июня 2000 г. не содержали никаких ссылок на этот вопрос, что привело к еще трем письменным напоминаниям от Суда в июне и июле 2000 г. В письме Правительства от 2 августа 2000 г. была представлена другая неучтенная информация без ссылки на этот вопрос, что привело к дальнейшим письменным напоминаниям Суда в августе, сентябре и ноябре 2000 г. Поскольку вопрос остался без ответа, Суд просил Правительство в ходе устного слушания объяснить их непредоставление этой информации. Правительство не ответило на этот вопрос.

273. Суд отмечает, что, помимо краткого ответа делегатам, Правительство не признало, не говоря уже о том, чтобы ответить на ранние и многочисленные устные и письменные запросы о личности офицера, отвечающего за военное учреждение в школе-интернате Личе. Очевидно, это расстроило его присутствие перед делегатами. Актуальность его показаний очевидна, если учесть, что заявитель с самого начала неоднократно утверждал, что ему сказали, что Орханы содержались под стражей в этой школе.

274. Суд заключает, что Правительство не представило каких-либо убедительных объяснений своих задержек и упущений в ответ на запросы Комиссии и Суда о соответствующих документах, информации и свидетелях. Соответственно, он считает, что может сделать выводы из поведения правительства в этом отношении. Кроме того, ссылаясь на важность сотрудничества государства-ответчика в разбирательстве по Конвенции (см. пункт 266 выше) и учитывая трудности, неизбежно возникающие при сборе доказательств такого рода (упомянутое выше дело Тимуртаса, § 70), Суд находит, что Правительство не выполнило своих обязательств в соответствии со статьей 38 § 1(a) (ранее статья 28 § 1(a)) Конвенции по предоставлению всех необходимых условий Комиссии и Суду в их задаче по установлению факты.

275. Жалоба заявителя, также поданная в соответствии со статьей 38, на вызов г-на Мустафы Атагуна из Главной прокуратуры Диярбакыра была рассмотрена Судом в соответствии со статьей 34 Конвенции (см. пункты 403-411 ниже).

С. Оценка Судом фактов в настоящем деле

276. Не оспаривается тот факт, что в апреле и мае 1994 г. активность РПК в провинции Диярбакыр была интенсивной или, следовательно, большое количество воинских частей принимало участие в операциях по борьбе с повстанцами в этой провинции.

1. Прибытие войск в апреле 1994 года, поджог Девебой 6 мая 1994 года, задержание Орханов 24 мая 1994 года и их присутствие в Гюмюссую также 24 мая 1994 года.

(а) оценка Судом представлений сторон и доказательств

277. Суд считает, что устные показания заявителя (пункты 126-146 выше) были убедительны в своей детализации и в соответствии со многими показаниями, которые он делал в течение многих лет (3 ноября 1994 г. в НРА, 2 мая 1995 г. в адрес Мустафы Атагуна и 23 июня 1999 г. арбитру, пункты 25-31, 65-72 и 106-111 выше), а также его краткие заявления и ходатайства, касающиеся задержания Орханов (заявление и ходатайство от 8 июня 1994 г. Генеральному прокурору Кулпа вместе с его ходатайствами от 16 июня и 6 июля 1994 г. на имя Главного прокурора Суда государственной безопасности и губернатора по чрезвычайным ситуациям, соответственно, в пунктах 32-33 и 48-49 выше).

278. Суд находит убедительными его прямые и подробные показания о первоначальном прибытии войск 20 апреля 1994 г. возле Девебой и о поджоге деревни 6 мая 1994 г. Хотя его более ранние показания несколько различались по вопросу о том, видел ли он, поле, где он работал, солдаты 24 мая 1994 г. привели Орханов на холм в сторону Гюмюссую, его устные показания о том, что он был свидетелем этого, были четкими и достоверными в своих деталях, и они были в некоторой степени подкреплены Аднаном Орханом. Опять же, в то время как его более ранние заявления относительно конкретных лиц, с которыми он разговаривал в Гюмюссуй вечером 24 мая 1994 г., различались, его устные показания относительно информации, которую он получил в этот день в Гюмюссуй об Орханах, проходивших с солдатами, были полностью согласуются с более поздними устными и прямыми показаниями Мехмета Эмре.

279. Наконец, устные показания заявителя несколько прояснили его более ранние заявления о том, кто отправился в жандармерию Зейрек и Кулп после задержания трех Орханов, и его показания вновь полностью соответствовали показаниям Мехмета Эмре.

280. Аднан Орхан также дал показания, заслуживающие внимания своей подробностью и ясностью (пункты 147-155 выше). Кроме того, он дал прямые показания по ряду важных фактов: он был на больничном в школе-интернате Личе и в Девебой, когда солдаты первоначально разместили базу возле Чаглаяна; он был в отцовском доме, когда солдаты начали жечь деревню; он видел, как его собственный дом (дом Селима Орхана) сжигают солдаты, и видел, как горят дома заявителя и Хасана Орхана; он видел, как солдаты сначала задержали Орханов; он слышал радиопереговоры солдат, в том числе

просьбу их командира дать указания, следует ли брать Орханов; он видел, как солдаты пешком вели Орханов на холм в направлении Гюмюссую; и он видел, как женщины и дети деревни следовали за конвоем, умоляющим об освобождении Орханов.

281. Устные показания Мехмета Эмре (пункты 168-173 выше) также были четкими, подробными и убедительными. Важно отметить, что он предоставил прямые доказательства по четырем ключевым вопросам. Во-первых, он описал прибытие большого количества солдат к Чаглаяну перед сожжением деревень Девебой и Гюмюссую. Во-вторых, он видел дым, идущий от Девебой за день до того, как был сожжен Гюмюссую. В-третьих, он жил в Гюмюссую и разговаривал с Орханами, когда конвой остановился в Гюмюссую: он описал, как давал им воду и сигареты, как Орханы просили о помощи, как Хаджи Мехмет умолял об их освобождении, но ему самому угрожали арестом. и как колонна ушла в сторону Зейрека примерно через полчаса. В-четвертых,

282. Большая часть показаний Мехмета Джана (пункты 156-167 выше) о первом и втором посещении солдатами деревни были слухами, поскольку в соответствующее время его там не было. Тем не менее, он приезжал через 2-3 дня после каждой операции. Он разговаривал со многими людьми в деревне, и его косвенные показания полностью соответствовали прямым показаниям, полученным от заявителя, Аднана Орхана и Мехмета Эмре. Он также был единственным свидетелем, способным определить тип солдат (пехота и коммандос), которые все еще находились в этом районе (на дороге между Чаглаяном и Зейреком), когда он впервые прибыл в Чаглаян в начале мая, и дал подробное описание соответствующую униформу. Его показания о поджоге села можно считать прямыми, поскольку, когда он прибыл в начале мая, из некоторых домов еще шел дым.

283. Напротив, Суд считает, что мотивы Ахмета Поташа (пункты 174-181 выше) и его начальника Али Эргюльмеза (пункты 182-192 выше) при даче показаний были явно оправдательными. Хотя Ахмет Поташ заявил, что мало что помнит из рассматриваемых событий, Суду трудно поверить, что он не мог вспомнить абсолютно ничего, относящегося к делу. С одной стороны, он подтвердил, что является начальником местного отделения жандармерии (Зейрек), к которому была приписана деревня Чаглаян, что он хорошо знал деревню Чаглаян, хорошо ладил с ее жителями и знал мухтара каждой из них. деревня лично. С другой стороны, он сказал, что не может вспомнить важные события или дела: была ли проблема РПК в Чаглаяне, был ли Чаглаян сожжен силами безопасности, подавались ли жалобы на его сожжение, обращались ли мухтар непосредственно к нему с жалобами на то, что силы безопасности задержали трех жителей села, или он

отправился в Чаглаян после того, как оно было сожжено. Действительно, он даже не мог вспомнить, были ли сожжены какие-либо деревни в его районе во время его пребывания в должности командира этой станции.

284. Точно так же Али Эргюльмес, похоже, был настроен отрицать какие-либо воспоминания о доставленных ему делах. Он дошел до того, что отрицал признание имени человека, который был его заместителем в управлении жандармерии Кулпа, когда ему было присвоено это имя (Юмит Шеночак), и любых воспоминаний о расследовании исчезновения Орханов, несмотря на то, что начальник полиции Кулпа Контакт прокурора с управлением жандармерии района Кулп в 1994 и 1995 годах, несмотря на то, что он лично подписал письмо по этому поводу 23 сентября 1994 года и несмотря на то, что он был назначен третейским судьей во втором расследовании районным административным советом. Более того, он просто не поддержал бы никаких предположений о причастности сил безопасности, как это утверждалось, оценивая шансы разрушения деревни силами безопасности менее 1000 к 1 и даже менее 1000 к 1 вероятности того, что такие силы похищают жителей деревни: он согласился, что считает такие утверждения пропагандой РПК. Кроме того, он сказал, что не помнит никаких крупных операций в апреле-мае 1994 года в его районе, тогда как в представленных теперь отчетах о военных операциях указывается, что в мае 1994 года в провинции было проведено 30 операций, в том числе две в Кулпе.

285. При таких обстоятельствах Суд не находит, что предполагаемая неспособность этих офицеров вспомнить события, на которые жалуется заявитель, представляет собой какое-либо, не говоря уже о достаточном опровержении утверждений заявителя.

286. Кроме того, власти взяли у жителей села Чаглаян только два кратких заявления (у Хасана Шумера и мухтара Чаглаяна в пунктах 56, 81 и 98). Однако их прямые показания полностью согласуются с показаниями заявителя о первоначальном задержании Орханов и о последующем визите в жандармерию Зейрек.

287. Кроме того, отрицание Правительством того, что в Чаглаяне проводилась какая-либо военная операция, ослабляется выводами, сделанными Судом из их задержек в установлении личности командующего военными операциями и воинских частей, действовавших таким образом, а также в раскрытии отчетов об операциях за этот период и регион. , записи суд признал краткими и неполными.

288. Таким образом, Суд считает, что у него нет оснований сомневаться в показаниях заявителя, Аднана Орхана, Мехмета Эмре и Мехмета Джана, показания которых были четкими, достоверными и последовательными.

(b) Последующие выводы Суда о фактах

289. Заявитель и его братья (Хасан и Селим Орхан, оба 1954 года рождения) имели дома и землю в Девебою. Чезаир Орхан (1977 г.р., сын Селима) был строителем и штукатуром, работавшим в то время в университете Малатья Инёню. Дом его отца, тем не менее, оставался его домом в Девебою, где он находился в отпуске в соответствующее время.

290. 20 апреля 1994 г. вблизи села Чаглаян расположилась большая военная колонна. Вполне вероятно, что это были подразделения пехоты и коммандос. Было невозможно установить, что эти солдаты прибыли из полка Болу, как утверждалось, но этот полк примерно в то время проводил операции в этом регионе.

291. Солдаты ушли «в гору» к границе Бингёль-Муш на операцию. По возвращении 6 мая 1994 года они собрали жителей деревни перед мечетью, дав им один час на то, чтобы очистить свои дома. Начиная с мечети, солдаты почти сразу же начали сжигать дома в селе, в том числе дома заявителей, Хасана Орхана и Селима Орхана, которые находились в селении Девебой. Заявителю удалось вывезти только часть своего имущества до того, как его дом сгорел. Солдаты приказали эвакуировать деревню через три дня и ушли.

292. 7 мая 1994 года солдаты сожгли деревню Гюмюссую. В тот же день заявитель, Камил Атаклы (сельский мухтар) и Селим Орхан пришли к Ахмету Поташу, начальнику жандармерии Зейрек, и сообщили ему о разрушении села, спросив, могут ли они остаться, чтобы собрать урожай. Ахмет Поташ отправил их в Кулп, где в тот же день они поговорили с Али Эргюльмезом (начальником районной жандармерии Кулпа). Он разрешил сельским жителям остаться в деревне до сбора урожая.

293. 24 мая 1994 г. солдаты вернулись в село. Большинство оставшихся мужчин были либо в полях, либо отправились туда при виде солдат, а Орханы были в Девебою, ремонтируя свои дома. Солдаты сказали Орханам, что они нужны их командиру и что в любом случае они нужны солдатам в качестве проводников. Орханы возражали, как и многие женщины и дети из деревни, включая Аднана Орхана, которые следовали за конвоем, когда он уходил, но Орханы были обязаны сопровождать солдат. Заявитель видел с поля, где он находился, колонну, уходящую вверх по холмам в направлении Гюмюссую.

294. Вечером того же дня солдаты вместе с Орханами прибыли в Гюмюссую, где остановились примерно на 30 минут. Многие жители деревни видели колонну, а некоторые из них (в том числе Мехмет Эмре и Хаджи Мехмет) дали воду и сигареты Орханам и поговорили с ними. Орханы попросили помощи. Конвой двинулся в сторону Зейрека.

295. В тот же вечер заявитель отправился в Гюмюссую и поговорил с несколькими жителями деревни, включая Хаджи Хавину, Мехмета Эмре и Хаджи Мехмета, которые подтвердили, что видели Орханов с солдатами.

296. 25 мая 1994 года Мехмет Эмре и Хаджи Мехмет отправились в отделение жандармерии Зейрека, чтобы пожаловаться Ахмету Поташу на задержания, и последний сказал им, что Орханы были доставлены в Кулп. Они передали эту информацию заявителю, которого встретили на обратном пути со станции Зейрек. Заявитель и сельский мухтар в тот же день отправились в отделение жандармерии Зейрека, где Ахмет Поташ сообщил им ту же информацию. Затем заявитель вместе с другими жителями деревни Девебой, включая Хасана Шумера, Сулеймана Нергиза и Хусейна Джана, отправился в управление жандармерии района Кулп и пожаловался Али Эргюльмезу на задержание Орханов. Последний заявил, что не располагает информацией о случившемся. Заявитель возвращался в Кулп, чтобы неоднократно запрашивать информацию, но безрезультатно.

297. Заявитель остался собирать урожай, но затем в конце 1994 года он был вынужден покинуть деревню.

298. В заключение Суд находит установленным, что дома и часть имущества заявительницы, Селима Орхана и Хасана Орхана были преднамеренно уничтожены силами безопасности 6 мая 1994 г. и что впоследствии их деревню пришлось эвакуировать. Также установлено, что в последний раз Орханов видели живыми в деревне Гюмюссую вечером 24 мая 1994 года, когда они находились в руках государственных сил безопасности.

2. Последующее задержание Орханов

299. Заявитель утверждал, что Рамазан Айчичек и «Эсреф из района Инкая» сказали ему, что Орханы были впоследствии задержаны в отделении жандармерии Кулпа на ночь, а затем в отделении жандармерии Личе на несколько дней, прежде чем были помещены в интернат Личе. Школа. Правительство отрицало факт задержания Орханов.

(а) оценка Судом представлений сторон и доказательств

300. Заявитель немедленно и постоянно утверждал (показания от 22 августа 1994 г., 3 ноября 1994 г., 2 мая 1995 г. и 23 июня 1999 г.), что Орханы были доставлены в Кулп и что примерно через месяц после задержания Орханов Рамазан Айчичек, затем в тюрьме Личе, сообщил заявителю, что он содержится вместе с Орханами в школе-интернате Личе. Напротив, первое указание на утверждение заявителя об Эсрефе содержится в его показаниях Юнусу Гюнесу в июне 1999 года.

301. Прожив в течение шести месяцев в школе-интернате Личе до мая 1994 года, Аднан Орхан представил важные прямые доказательства относительно планировки школьного комплекса, которую он набросал для делегатов. Он подтвердил наличие трех зданий, в том числе отдельной армейской казармы, что туда время от времени доставлялись задержанные лица и что планы школы, представленные Правительством в вышеупомянутом деле Чичека, на самом деле не имели отношения к военное здание.

302. Ни в одном из представленных протоколов содержания под стражей в жандармерии не было записей, касающихся Орханов. Однако материалы расследования Рамазана Айчичека показывают, что он утверждал (его допрос от 10 июня 1994 г.), что он также был задержан силами безопасности в конце мая 1994 г., и в соответствующих протоколах содержания под стражей жандармерии он не упоминается до 7 июня 1994 г. не будет противоречить тому, что он был задержан в школе-интернате Личе силами безопасности до передачи жандармам 7 июня 1994 года.

303. Суд находит показания соответствующих жандармов поразительно уклончивыми и демонстрирующими значительную чувствительность, в частности, к военной деятельности в школе-интернате Личе. Кроме того, их показания подтвердили предыдущие выводы этого Суда о неточности протоколов содержания под стражей в жандармах (см., например, упомянутое выше дело Чичека, §§ 136-137).

304. Камиль Ташчи, например, с трудом объяснял некоторые пробелы в протоколах содержания под стражей в центральном отделении жандармерии Кулпа, ответственность за которые несли только он и два его помощника. Соглашаясь в ходе перекрестного допроса с тем, что по его протоколам содержания под стражей нельзя сказать, каким подразделением (военным или жандармерией) задержанный был первоначально задержан или к какой дате шесть задержанных были освобождены, он явно противоречил своим более ранним и четким показаниям об обратном. . Его показаниям о том, что он не знал о том, что воинские части (а именно, по крайней мере, батальон из 700-800 человек) были расквартированы в Лиджеской школе-интернате, было трудно поверить и неубедительно.

305. Юмит Шеночак уклонился от ответов на конкретные вопросы, заявив, что в основном он отсутствовал на операциях, пока находился в Кулпе. Однако эту позицию трудно согласовать с его более поздним заявлением о том, что он не мог припомнить, чтобы когда-либо сталкивался с какой-либо воинской частью из-за пределов региона во время операции в этом районе, даже несмотря на то, что в представленных отчетах операций перечислено 30 операций только в провинции Диярбакыр в Май 1994 г., в том числе два в районе Кулп.

Далее он полностью дистанцировался от расследования и выводов, изложенных в его собственном письме от 22 июля 1994 года на имя главного прокурора Кулпа. Он утверждал, что просто невозможно, чтобы силы безопасности действовали так, как утверждает заявитель: эти утверждения были пропагандой РПК, мнение, которое он основывал на собственном опыте двух нападений на деревни.

306. Шахап Ярали подтвердил, что в то время в регионе велись военные действия и что такие подразделения будут базироваться в комплексе школы-интерната Личе. Хотя он заявил, что в этом комплексе было три здания, его показания были явно неохотными, путанными и противоречивыми в отношении планировки комплекса. Сначала он подтвердил, что планы школы, представленные в вышеупомянутом деле Чичека, не относились к военному зданию, затем он не был уверен, а затем показал, что, возможно, они действительно относились к военному зданию. Он неубедительно настаивал на том, что третий военный корпус также был разделен с персоналом школы.

307. Показания Хасана Чакры относительно планировки школы-интерната Личе казались такими же расплывчатыми, неточными и неубедительными, как и показания Шахапа Ярали. В лучшем случае его подробные показания в настоящем деле относительно планировки школьного комплекса сделали его показания по тому же пункту в деле Чичека экономичными до такой степени, что вводили в заблуждение, учитывая, что утверждения о содержании под стражей в школе были одинаковыми в обоих случаях. . В то время как его последнее описание планировки каждого здания в комплексе во время его устных показаний по настоящему делу было относительно исчерпывающим, в то же время он утверждал, что не уверен, к какому зданию относятся планы, представленные Правительством в деле Чичека. ; сначала подтвердив, что они связаны с одним из школьных зданий, а затем будучи неуверенным, он наконец признал, что планы на самом деле не относятся к военному зданию. Он действительно согласился, в соответствии со своими показаниями по делу Чичека, что, если военные хотят задержать кого-то в школе-интернате Личе, жандармы не обязательно будут знать об этом.

308. Азиз Йылдыз начал свои показания с того, что заявил, что школа-интернат Личе «доступна для содержания под стражей отдельных лиц, поскольку там было много места» и что он время от времени приходил в школу, чтобы забрать задержанных из сил безопасности. На дальнейших допросах он неубедительно изменил эти показания, заявив, что он заберет этих лиц из силовых структур «по дороге в школу» или военные привезут их в его участок. Он показал, что хорошо знает школьный комплекс, хотя не может дать точных сведений о планировке военного здания. Он даже не был уверен,

относятся ли планы, представленные Правительством по делу Чичека, к военному зданию или нет. В отличие от других свидетелей, его показания оставили впечатление, что захват задержанных силами безопасности не был чем-то необычным.

309. Наконец, из показаний жандармов по некоторым относящимся к делу вопросам можно было прийти к некоторому согласию. Ахмет Поташ, Умит Шеноджак, Камил Ташджи, Хасан Чакыр и Азиз Ыылдыз согласились с тем, что по записям жандармерии невозможно определить, был ли задержанный первоначально задержан военными или нет. Хотя Али Эргюльмез не согласился, Сахап Ярала и Хасан Чакыр подтвердили (в соответствии со своими показаниями по делу Чичека), что по разным причинам возможно, что человек может содержаться в отделении жандармерии, не имея возможности выйти, без входа в него, в протоколе задержания. Азиз Ыылдыз также подтвердил это свидетельскими показаниями. Эти последние три офицера жандармерии также указали, что им известно о том, что в этом районе действует полк Болу.

(b) последующие выводы Суда о фактах

310. По мнению Суда, невозможно установить в соответствии с требуемым стандартом доказывания, где Ораны были задержаны после того, как их видели в Гюмюссую в руках сил безопасности.

311. Есть основания полагать, что Орханы содержались под стражей в отделениях жандармерии Кулп или Личе.

312. Суд установил, что Ахмет Поташ сказал, что Орханы были доставлены в Кулп, а заявитель утверждал, что Эсрел был задержан вместе с Орханами в Кулпе. Суд также счел соответствующие показания жандармов уклончивыми и неубедительными (см. пункты 283 и 303 выше).

313. Кроме того, Суд считает, что недостатки, установленные в отношении заполнения протоколов содержания под стражей в жандармерии, означают, что отсутствие в них имен Орханов не является убедительным доказательством того, что они не проходили через эти участки. Во-первых, в предыдущих делах Суд зафиксировал недостатки, главным образом связанные с «неудовлетворительным и произвольным разграничением», проводимым жандармами между задержанием, о котором делается запись в протоколах задержания, и задержанием за наблюдения и/или допроса, и в этом случае не обязательно будет запись в протоколе содержания под стражей (Çakıcı v. §§ 137-138). Эта практика была подтверждена показаниями трех жандармов по настоящему делу. Надежность записей о заключении подрывается еще и тем фактом, что в этих записях не будет указано, был ли человек первоначально задержан вооруженными силами или нет (пункты 204 и 309 выше). Их точность также снижается из-за того,

что в настоящем деле не была отмечена дата, когда несколько задержанных были освобождены из-под стражи жандармерией (см. § 304 настоящего Постановления).

314. Есть и другие веские доказательства того, что на каком-то этапе Орханы содержались в школе-интернате Личе.

315. Представляется вероятным, что, несмотря на опровержения свидетелей из числа жандармов и отсутствие каких-либо протоколов содержания под стражей в отношении школы, лица, задержанные воинскими частями, иногда задерживались в школе, прежде чем их переводили в центральное отделение жандармерии Личе. Это было установлено судом по делу Чичека на основании прямых показаний задержанных там жителей села. Поддержку этой точке зрения также оказали показания Аднана Орхана по настоящему делу (пункты 38, 150 и 301 выше). Заявление Рамазана Айчичека на допросе не противоречит тому, что он содержался вместе с Орханами в школе.

Кроме того, уклончивость и противоречия в показаниях свидетелей-жандармов по вопросу о школе, по мнению Суда, свидетельствуют о значительной деликатности в отношении использования школы военными. Действительно, Азиз Йылдыз сначала сказал, прежде чем изменить свои показания, что он пойдет в школу, чтобы забрать задержанных, и Хасан Чакыр согласился, что военные могут задерживать там людей без ведома жандармов. Последовательно свидетели-жандармы ясно давали понять, что они не осуществляли никакого контроля над действиями военных в школе или где-либо еще. У Суда сложилось впечатление, что доказательства свидетельствуют о том, что военные в значительной степени не несут ответственности за то, что произошло в школе. Важно,

316. Тем не менее, факт остается фактом: единственными свидетельствами того, что Орханы действительно содержались под стражей в жандармерии Кулп или Личе или в школе-интернате Личе, являются слухи. Суду не было предоставлено никакой дополнительной информации об Эсрефе, и ни он, ни Рамазан Айчичек не предстали перед делегатами в качестве свидетелей. Этих косвенных доказательств, несмотря на серьезные подозрения, которые они вызывают, недостаточно для того, чтобы Суд мог заключить вне всяких разумных сомнений, что Орханы содержались под стражей в вышеупомянутых жандармских или военных учреждениях. Тот факт, что эти следственные органы не приняли показания Рамазана Айчичека, когда его еще можно было найти (а именно, в государственной тюрьме), рассматривается ниже в соответствии со статьей 2 Конвенции в контексте адекватности проведенных расследований.

317. Соответственно, хотя Суд находит, что в последний раз Орханов видели в руках солдат в Гюмюссую, он не может прийти к

выводу вне всяких разумных сомнений относительно точного места их содержания под стражей после этого, будь то в жандармерии Личе или Кулпа или в школе-интернате Личе.

3. Жестокое обращение с Орханами в заключении

318. Суд сталкивается с теми же доказательственными трудностями при установлении жестокого обращения с Орханами, которое подразумевается более ранними рассказами заявителя о разговоре с ним Рамазана Айчичека. Действительно, позиция еще менее ясна, поскольку заявитель опроверг эти более ранние показания в своих устных показаниях делегатам, когда он подтвердил, что Рамазан Айчичек ничего не говорил о состоянии Орханов.

319. Соответственно, Суд не может с необходимой степенью достоверности установить, как обращались с Орханами после того, как их видели в Гюмюссую.

4. Жалобы заявителя властям

(а) об уничтожении Девебою

320. Суд установил, что заявитель (и другие жители села) устно жаловались на поджог села 7 мая 1994 г. Ахмету Поташу и Али Эргюльмезу. Правительство утверждало, что в июне 1995 г. эти жалобы, включая административное заявление о предоставлении жилья «для тех, [кто является] объектом террористических нападений», находились на рассмотрении соответствующих органов.

321. Суд отмечает, что в дополнение к устным жалобам заявитель указал в своих показаниях от 2 мая 1995 г., что он обращался к губернатору области с просьбой о новом доме. Однако, поскольку власти Российской Федерации не проработали дальше свои краткие доводы в этом отношении и не представили каких-либо доказательств продолжающихся расследований, на которые они ссылаются, Суд не считает установленным, что какое-либо конкретное расследование сожжения Девебой силами безопасности имело место или что, ходатайствуя о новом доме, заявитель утверждал, что его дом был разрушен террористами, как утверждали власти Российской Федерации.

б) об исчезновении Орханов

322. Заявитель устно жаловался на задержание Орханов 25 мая 1994 г. Ахмету Поташу, а затем несколько раз Али Эргюльмезу. Он также подал письменное ходатайство главному прокурору Кулпа (от 8 июня 1994 года), главному прокурору суда государственной безопасности

Диярбакыра (от 16 июня 1994 года) и губернатору области чрезвычайного положения Диярбакыру (от 6 июля 1994 года). 1994).

323. Хотя Правительство утверждало, что силы безопасности были запрошены, и они ответили, что никто не был задержан, это раннее заявление не содержало дополнительных разъяснений, не повторялось в их последующих устных или письменных заявлениях и, что важно, не подтверждалось никакими документальными доказательствами. Суд находит этот предполагаемый запрос сил безопасности необоснованным.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ОРХАНОВ

324. Статья 2 предусматривает следующее:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во время исполнения приговора суда по осуждению за преступление, за которое это наказание предусмотрено законом.

2. Лишение жизни не считается нанесенным в нарушение настоящей статьи, если оно является результатом применения силы, которая является не более чем абсолютно необходимой:

(a) в защиту любого лица от незаконного насилия;

(b) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;

(c) в действиях, предпринятых на законных основаниях с целью подавления бунта или восстания».

A. Общие соображения

325. Статья 2, гарантирующая право на жизнь и определяющая обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, считается одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, отступление от которого не допускается. Вместе со статьей 3 она также закрепляет одну из основных ценностей демократических обществ, входящих в состав Совета Европы. Поэтому обстоятельства, при которых лишение жизни может быть

оправдано, должны быть строго истолкованы. Объект и цель Конвенции как инструмента защиты отдельных людей также требуют, чтобы статья 2 толковалась и применялась таким образом, чтобы сделать ее гарантии практичными и эффективными (*McCann and Others v. the United Kingdom*, решение от 27 сентября 1995 г., Серия А № 324, §§ 146-147).

326. В свете важности защиты, предоставляемой статьей 2, Суд должен подвергнуть лишение жизни самому тщательному анализу, принимая во внимание не только действия представителей государства, но и все сопутствующие обстоятельства. Задержанные находятся в уязвимом положении, и власти обязаны их защищать. Следовательно, если человек взят под стражу в добром здравии и при освобождении у него обнаруживаются травмы, государство обязано предоставить правдоподобное объяснение того, как эти травмы были причинены (см., среди прочего, *Avşar v. Turkey*, упомянутое выше, § 391). Обязательство властей отчитываться за обращение с задержанным лицом становится особенно строгим, когда это лицо умирает или исчезает после этого.

327. В тех случаях, когда рассматриваемые события полностью или в значительной степени находятся в пределах исключительного ведома властей, как в случае с лицами, находящимися под их контролем, в заключении, возникают сильные презумпции факта в отношении телесных повреждений и смерти, имевших место во время этого задержания. Действительно, можно считать, что бремя доказывания возлагается на власти, которые должны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (*Салман против Турции [БП]*, № 21986/93, § 100, ЕСПЧ 2000-VII; *Чакыджи против Турции [БП]*, № 23657/94, § 85, ЕСПЧ 1999-IV, *Эртас против Турции*, № 20764/92, § 32, ЕСПЧ 2000-V, и *Тимурташ против Турции*, № 23531/94, § 82, ЕСПЧ 2000-VI).

В. Можно ли считать Орханов мертвыми

328. Заявитель жалуется на основании статьи 2 Конвенции, что после задержания Орханов силами безопасности они исчезли и, должно быть, умерли в заключении. Правительство отвергло эти утверждения.

329. В упомянутом выше решении по делу Тимурташ против Турции Суд заявил следующее (§§ 82-83):

(...) если лицо заключено под стражу в добром здравии, но в момент освобождения у него обнаруживаются телесные повреждения, государство обязано предоставить правдоподобное объяснение того, как эти телесные повреждения были причинены, в противном случае возникает вопрос в соответствии со статьей 3 Конвенции (...). В том же духе статья 5 налагает на

государство обязанность сообщать о местонахождении любого лица, взятого под стражу и, таким образом, поставленного под контроль властей (...). Может ли неспособность властей предоставить правдоподобное объяснение судьбы задержанного в отсутствие тела также вызвать вопросы в соответствии со статьей 2 Конвенции, будет зависеть от всех обстоятельств дела и, в частности, о наличии достаточных косвенных доказательств, основанных на конкретных элементах,

В этом отношении период времени, прошедший с момента помещения лица под стражу, хотя и не является решающим сам по себе, является существенным фактором, который следует принимать во внимание. Следует признать, что чем больше времени проходит без каких-либо известий о задержанном, тем больше вероятность того, что он умер. Таким образом, течение времени может в некоторой степени повлиять на вес, который следует придавать другим элементам косвенных доказательств, прежде чем можно будет сделать вывод о том, что данное лицо считается умершим. В этом отношении Суд считает, что эта ситуация порождает вопросы, которые выходят за рамки простого незаконного содержания под стражей в нарушение статьи 5. Такое толкование соответствует эффективной защите права на жизнь, предусмотренной статьей 2, которая считается одно из самых основных положений Конвенции (...).

330. Суд считает, что существует ряд элементов, отличающих настоящее дело от таких дел, как Курт против Турции (постановление от 25 мая 1998 г., Отчеты о судебных решениях и решениях 1998-III, § 108), в которых Суд постановил, что имело место недостаточные убедительные доказательства того, что сын заявительницы встретил свою смерть в заключении. В последний раз Узеира Курта видели окруженным солдатами в его собственной деревне, а Орханов в последний раз видели увезенными в неустановленное место содержания под стражей властями, за которые несет ответственность государство. Кроме того, было несколько элементов, идентифицирующих Узеира Курта как лицо, находящееся под подозрением у властей: в данном случае есть некоторые прямые доказательства (от Аднана Орхана, см. пункты 41 и 154 выше), что Орханы разыскивались властями. . В общем контексте ситуации на юго-востоке Турции в 1994 году ни в коем случае нельзя исключать, что непризнанное задержание таких лиц будет угрожать жизни (Тимурташ против Турции, упомянутое выше, § 85, и Чичек против Турции). Турция, упомянутое выше, § 146). Следует напомнить, что в предыдущих решениях Суд постановил, что дефекты, подрывающие эффективность уголовно-правовой защиты на юго-востоке в период, также относящийся к данному делу, допускали или способствовали отсутствию ответственности сотрудников силовых структур за их действия (Джемил Кылыч против Турции, № 22492/93, § 75, ЕСПЧ 2000 г., и Махмут Кая против Турции, № 22535/93, § 98, ЕСПЧ 2000 г.). Это отсутствие подотчетности особенно заметно в нынешних условиях,

331. По вышеуказанным причинам и принимая во внимание, что никакой информации о местонахождении Орханов не поступало в течение почти 8 лет, Суд считает, что Орханы должны считаться умершими после непризнанного задержания силами безопасности. Следовательно, наступает ответственность государства-ответчика за их смерть. Отмечая, что власти не представили никаких объяснений того, что произошло после задержания Орханов, и что они не ссылаются ни на какое оправдание в отношении любого применения смертоносной силы их агентами, отсюда следует, что ответственность за их смерть является приписываемые правительству-ответчику (Timurtas, § 86, и Çiçek, § 147, оба постановления цитировались выше).

332. Соответственно, имело место нарушение статьи 2 в отношении Орханов.

С. Предполагаемая неадекватность расследования

333. Заявитель также утверждал, что проведенные расследования были неадекватными, что делало неэффективными любые средства правовой защиты, доступные в теории. Правительство утверждало, что расследования были тщательными и достаточными: были запрошены все соответствующие протоколы содержания под стражей, были опрошены все соответствующие свидетели, а соответствующие органы были опрошены, проводились ли операции в этом районе. Если в полученных ответах не содержится никакой информации о взятии под стражу и задержании Орханов правительственными силами или агентами, это происходит потому, что они не были задержаны или задержаны таким образом.

334. Суд напоминает, что обязательство защищать право на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции, рассматриваемое в сочетании с общей обязанностью государства в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечивать каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в [Конвенция]» также подразумевает, что должна быть некоторая форма эффективного официального расследования, когда люди были убиты в результате применения силы (см. *mutatis mutandis*, решение по делу «Макканн и другие против Соединенного Королевства», цит. выше, § 161, и решение по делу Кая против Турции от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I, § 105). Основной целью такого расследования является обеспечение эффективного применения национальных законов, защищающих право на жизнь, а в тех случаях, когда речь идет о государственных агентах или органах, для обеспечения их ответственности за смерти, произошедшие под их ответственностью. Какая форма расследования будет способствовать достижению этих целей, может варьироваться в зависимости от различных

обстоятельств. Однако, какой бы способ ни применялся, власти должны действовать по собственной инициативе, как только дело дошло до их сведения. Они не могут оставить на усмотрение ближайших родственников подачу официальной жалобы или принятие на себя ответственности за проведение каких-либо следственных действий (см., например, с соответствующими изменениями, Ильхан против Турции [БП], № 22277/93). § 63, ЕСПЧ 2000-VII).

335. Для того чтобы расследование предполагаемого незаконного убийства, совершенного представителями государства, было эффективным, в целом можно считать необходимым, чтобы лица, ответственные за расследование и проводившие его, были независимы от лиц, причастных к событиям (решение по делу Гюлеч против Турции от 27 июля 1998 г.), Reports 1998-IV, §§ 81-82, и Ögür против Турции [БП], № 21954/93, §§ 91-92, ECHR 1999-III). Расследование также должно быть эффективным в том смысле, что оно может привести к определению того, было ли применение силы в таких случаях оправданным в данных обстоятельствах (например, решение по делу Кая против Турции, упомянутое выше, § 87).), а также установлению и наказанию виновных (Ögür v. Turkey, упомянутое выше, § 88). Это обязательство не результата, а средства. Власти должны были принять доступные им разумные меры для получения доказательств, касающихся инцидента, включая, среди прочего, показания очевидцев (см., например, о свидетелях, Tanrikulu v. Turkey, упомянутое выше, § 109). Любой недостаток в расследовании, который подрывает его способность установить причину смерти или виновного, может привести к нарушению этого стандарта.

336. В этом контексте также подразумеваются требования оперативности и разумной срочности (постановление по делу Яша против Турции от 2 сентября 1998 г., Reports 1998-IV, § 102-104; Чакыджи против Турции, упомянутое выше, §§ 80, 87, 106). ; Танрикулу против Турции, упомянутое выше, § 109, Махмут Кая против Турции, упомянутое выше, §§ 106-107). Следует признать, что могут существовать препятствия или трудности, препятствующие продвижению расследования в конкретной ситуации. Тем не менее незамедлительная реакция властей при расследовании применения силы со смертельным исходом или исчезновения в целом может рассматриваться как необходимая для поддержания общественного доверия к их поддержанию верховенства права и для предотвращения любых проявлений сговора или терпимости к незаконным действиям (см. в целом, МакКерр против Соединенного Королевства, № 28883/95, §§ 108-115, ECHR 2001-III и Авшар против Турции, упомянутое выше, §§ 390-395). Необходимость оперативности особенно важна, когда поступают заявления об исчезновении в местах содержания под стражей.

337. Суд находит, что жалобы заявителя (см. §§ 322-323 настоящего Постановления) представляли собой ранние, подробные и серьезные утверждения о задержании троих мужчин силами безопасности и их последующем исчезновении. Эти утверждения были обобщены и доведены до сведения государства Комиссией в феврале 1995 года.

338. По этим обвинениям было проведено три расследования.

339. Что касается первого, то расследование главного прокурора Кулпа не вышло за рамки полученных им подтверждений того, что Орханы не фигурируют в протоколах содержания под стражей или в списках разыскиваемых Управлением жандармерии Кулпа, Судом государственной безопасности Диярбакыра, Диярбакырским общественным порядком. Управление филиала или Командование жандармерии Лического района.

340. Ответ последнего свидетельствует об отсутствии глубины и энергичности в этом расследовании: конкретное утверждение о содержании Орханов в школе-интернате Личе было выдвинуто Генеральным прокурором Личе в июле 1994 года. Ответа получено не было. Ответа на напоминание в апреле 1995 года, девять месяцев спустя, не последовало. Когда в мае 1995 года запрос о школе-интернате Личе был перенаправлен в Управление жандармерии Лического района, последнее просто ответило, что в жандармских протоколах содержания под стражей Орханов нет. Сбор этой информации вместе с краткими показаниями заявителя (8 июня 1994 г., 22 августа 1994 г. и 23 сентября 1994 г.), мухтара и Хасана Шумера занял более одного года.

341. Важно отметить, что в ходе этого расследования не было предпринято никаких попыток воспользоваться показаниями Рамазана Айчичека, когда его можно было бы легко отследить. Утверждение о школе-интернате Личе явно было сделано еще в июле 1994 года, и государство было уведомлено о его личности и утверждениях, по крайней мере, в момент, когда Комиссия сообщила о заявлении в феврале 1995 года. В настоящее время признано, что он содержался под стражей, по крайней мере, в начале июня 1994 г., и письмо правительства от 6 октября 1999 г. в Комиссию подтвердило, что он находился в тюрьме Шанлыурфа до 17 августа 1995 г.

342. Второе расследование было проведено районным административным советом Кулпа с целью также установить роль сил безопасности в этом деле. Однако Суд уже установил, что этот орган нельзя считать независимым, поскольку он состоит из государственных служащих, иерархически зависимых от губернатора, исполнительного должностного лица, связанного с теми самыми силами безопасности, в отношении которых ведется расследование (решение *Güleç v. Turkey*, упомянутое выше, §§ 77-82 и *Огур против Турции*, упомянутое выше, §§ 85-93). Назначение этим Советом Али

Эргюльмеца судьей (самое раннее в 1995 году, когда главный прокурор Кулпа передал дело), было еще более неуместным, учитывая, что утверждение заявителя сводилось к тому, что Орханы содержались под стражей в Кулпском районе или центральном отделении жандармерии, которые находились под командованием Али Эргюльмеца. Более того, даже если им было начато какое-то расследование (а доказательств тому нет), оно просто прекратилось при его переводе. Расследование не возобновлялось до мая 1997 года, когда администрация губернатора провинции Диярбакыр запросила отчет о проделанной работе.

343. Эта просьба привела к назначению нового судьи 15 мая 1997 года, и его отчет был завершен в течение недели. Учитывая серьезность обвинений, продолжительность расследования нового судьи была тревожно короткой. Более того, его выводы свидетельствуют о поверхностном изучении дела: он предположил, что деревня Чаглаян была покинута из-за деятельности РПК, судья не пошел дальше своих расспросов, чем заявитель, которого не было дома в Диярбакыре, когда его вызвали, и Кулп Протоколы содержания под стражей районного управления жандармерии. От многих жителей деревень Девебою и Гюмюссуй, которые были непосредственными свидетелями событий, о которых заявлял заявитель, не было взято никаких показаний. Действительно, наблюдения Правительства от сентября 1997 г. указывали на то, что никто не видел, чтобы солдаты уводили Орханов. Никаких показаний не было получено от Ахмета Поташа или Али Эргюльмеца, которым заявитель пожаловался сразу после событий. Не было предпринято никаких попыток получить какие-либо фотографии Орханов.

344. Непостижимо, учитывая цель этого расследования, нет никаких свидетельств каких-либо запросов к силам безопасности для получения информации об операциях этих сил в соответствующее время в регионе или о действиях этих сил в школе-интернате Личе. Одного этого упущения достаточно, чтобы оправдать данное расследование как серьезно несовершенное. Когда Делегаты доложили об этом упущении Мехмету Йондеру, он ответил, что в этом расследовании был «очевидный недостаток».

345. Третье расследование было инициировано письмом губернатора провинции Диярбакыр от 4 июня 1999 года в административный совет района Кулп. Это произошло через пять лет после описываемых событий. На этом этапе, например, записи о заключении под стражу жандармерией района Кулп за 1994 год были заархивированы, и, как обнаружил судья, Рамазан Айчичек не мог быть отслежен. Как и во время второго расследования, жандармы не были опрошены, фотографии Орханов не были запрошены, жители села, которые были свидетелями разрушения Девебою или первоначального задержания Орханов, не были опрошены, за

исключением заявителя и мухтара, которые уже ясно и подробно дали разъяснения. заявления, охватывающие ту же тему. Действительно, Заявитель представил этому судье дополнительных очевидцев (тех, кто сопровождал его в отдел жандармерии района Кулп 25 мая 1994 г., и Эсрефа), но не было предпринято никаких попыток взять их показания. Несмотря на это, решение от 7 июля 1999 г. просто указывало на отсутствие свидетелей. Отчеты о боевых действиях не запрашивались, судья просто отметил, что в жандармерии Кулпа нет документов, касающихся операций в апреле-июле 1994 года.

346. Кроме того, заявитель никогда не был проинформирован о ходе расследования или принятых решениях, хотя Мехмет Йондер считал, что это было бы нормальным.

347. Наконец, Суд отмечает, что некоторые расследования, которые были начаты, были приостановлены и не завершены. В качестве иллюстрации Суд отмечает, что отделение жандармерии Кулпа было важной отправной точкой в любом расследовании жалоб заявительницы на исчезновение Орханов. Умит Шеночак, заместитель командира жандармерии Кулпа, подписал письмо от 22 июля 1994 года, подтверждающее, что Орханы не были задержаны его командой, и обещающее, что поиски Орханов будут продолжены. В своих устных показаниях он подтвердил, что он, вероятно, не завершил расследование, о котором говорилось в его письме, но, вероятно, это сделали его подчиненные и что они составили письмо от его имени. Он не помнил, чтобы проводил дальнейшее расследование. Поэтому неудивительно, что,

348. По причинам, изложенным выше, Суд считает, что расследование исчезновения Орханов было проведено с серьезными недостатками и нарушением процессуальных обязательств государства по защите права на жизнь. Соответственно, имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Орханов и в этом отношении.

D. Дополнительные жалобы по статье 2

349. Заявитель также утверждал, что планирование военных операций в районе Чаглаян в апреле и мае 1994 г. было неадекватным и что регистрация задержаний во время таких операций была недостаточной. Суд считает, что, учитывая сделанные выше выводы, нет необходимости рассматривать первую жалобу, и рассмотрел вторую жалобу в соответствии со статьей 5 Конвенции ниже.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

A. Общие принципы

350. Статья 3 гласит:

«Никто не может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

351. Суд напоминает, что статья 3 закрепляет одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Даже в самых сложных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом, Конвенция категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. Как и в других основных положениях Конвенции и протоколов к ней, не предусмотрено никаких исключений, и никакие отступления от нее не возможны в соответствии со статьей 15 (решение Акшой против Турции от 18 декабря 1996 г., Reports 1996-VI, § 62, Dulaş v. Турция, № 25801/94, § 52, ЕСПЧ 2001 г., и решение по делу Сельчук и Аскер против Турции от 24 апреля 1998 г., Reports 1998-II, § 75).

352. Далее Суд напоминает, что, принимая во внимание строгие стандарты, применяемые при толковании статьи 3 Конвенции, жестокое обращение должно достичь минимального уровня жестокости, прежде чем оно будет считаться подпадающим под действие этого положения. Оценка этого минимума является относительной и зависит от всех обстоятельств дела, включая продолжительность его лечения, физические или психические последствия и, в некоторых случаях, возраст, пол и состояние здоровья человека. Практика органов Конвенции требует соблюдения стандарта доказывания «вне разумных сомнений» того, что жестокое обращение такой жестокости имело место (как упоминалось выше, решение по делу Ирландия против Соединенного Королевства, §§ 161–162, решение по делу Дулаш против Турции), § 53, и решение по делу Чичек против Турции, § 154).

B. В отношении Орханов

353. Ссылаясь на доводы, использованные в поддержку жалоб по статье 2, заявитель утверждал, что государство-ответчик нарушает статью 3, поскольку содержание Орханов под стражей без связи с внешним миром в течение значительного периода времени в порядке, лишенном самых элементарных судебных гарантий, приводит к непреодолимый вывод о страдании в характере острой психологической пытки. Кроме того, имеются доказательства

жестокое обращение с ними во время содержания под стражей. Правительство продолжало отрицать фактическую основу утверждений заявителя.

354. Суд напоминает, что, когда очевидное насильственное исчезновение характеризуется полным отсутствием информации, вопрос о влиянии этого на задержанного может быть только предметом предположений (цитируемое выше решение по делу «Чичек против Турции», § 154). Кроме того, Суд установил, что, когда заявителей в последний раз видели в руках силовиков 24 мая 1994 г. в Гюмюссую, они выглядели здоровыми, и нельзя было установить с необходимой степенью достоверности, что Орханы впоследствии подверглись к жестокому обращению. Более того, Суд напоминает, что острая тревога, которая должна быть приписана лицам, предположительно содержащимся под стражей без связи с внешним миром без официального протокола и лишенным необходимых судебных гарантий, является дополнительным и усугубляющим аспектом вопросов, возникающих в связи со статьей 5.

355. Он приходит к выводу, что нарушение статьи 3 Конвенции в отношении содержания под стражей Орханов не имело места.

С. В отношении заявителя

356. Заявитель также жаловался, что исчезновение его старшего сына и только двух братьев причинило ему страдания в нарушение статьи 3 Конвенции. Правительство утверждало, что не было достоверных доказательств того, что Орханы были задержаны, как утверждалось, или вообще были задержаны.

357. Суд отмечает, что в вышеупомянутом деле Курта, которое касалось исчезновения сына заявительницы во время тайного задержания, он установил, что мать заявительницы при данных обстоятельствах нарушила статью 3. Он сослался, в частности, на тот факт, что она была матерью жертвы серьезного нарушения прав человека и сама стала жертвой самодовольства властей перед лицом страданий и страданий (§§ 130-134). Однако дело Курта не устанавливает какого-либо общего принципа, согласно которому член семьи «исчезнувшего лица» является, таким образом, жертвой обращения, противоречащего статье 3.

358. Является ли член семьи такой жертвой, будет зависеть от наличия особых факторов, которые придают страданиям заявителя размер и характер, отличные от эмоциональных страданий, которые можно рассматривать как неизбежно причиняемые родственникам жертвы серьезных нарушений прав человека. Соответствующие элементы будут включать близость семейных уз — в этом контексте определенный вес будет придаваться связи родитель-ребенок —

конкретные обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых событий, участие членов семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и о том, как власти реагировали на эти запросы. Суд также хотел бы подчеркнуть, что суть такого нарушения заключается не столько в факте исчезновения члена семьи, сколько в реакции и отношении властей, когда ситуация доводится до их сведения. Особенно в отношении последнего родственник может заявить, что он является прямой жертвой действий властей (см. выше Постановление Европейского Суда по делу "Чакыджи против Турции", § 98).

359. В настоящем деле Суд установил, что старший сын и единственные братья заявителя исчезли почти 8 лет назад. Как и в случае с Куртом, заявитель присутствовал и был свидетелем того, как Орханы покинули деревню и поднялись на холм в сторону Гюмюссую с солдатами. В отличие от упомянутого выше дела «Акдениз» (см. § 102) и помимо его первоначальных устных жалоб, когда его сопровождали другие жители села, заявитель нес бремя преследования по многочисленным запросам и ходатайствам, перечисленным выше (пункты 322-323). Действительно, он отмечает свои выводы ниже относительно воздействия на заявителя вызовов к властям, в частности, для подтверждения назначения им британских адвокатов для его жалобы в соответствии с Конвенцией (пункты 408-409 ниже). Более того, он никогда не получал никакой информации или объяснений от властей относительно того, что стало с Орханами, и действительно есть свидетельства того, что он даже не был проинформирован о результатах проводимого расследования. Суд также считает, что вышеупомянутые вопросы оказали бы дополнительное влияние на любого человека, который только что потерял безопасность своего дома и деревни, как заявитель.

360. Суд находит, что неуверенность и опасения, испытываемые заявителем в течение продолжительного и продолжающегося периода, которые он подтвердил в своих устных показаниях, явно причинили ему серьезные психические расстройства и страдания, представляющие собой бесчеловечное обращение, противоречащее статье 3. Он заключает, что таким образом, заявитель подвергся обращению, нарушающему статью 3 Конвенции в этом отношении.

D. В отношении заявителя и Орханов

361. Заявитель далее утверждал, что разрушение их домов, деревни и общины само по себе являлось обращением с Орханами и им самим, противоречащим статье 3. Более того, отсутствие какого-либо надлежащего расследования этих жалоб представляет собой отдельное нарушение этого положения.

362. Суд установил, что заявитель был свидетелем сожжения солдатами своего дома, своей деревни и большей части своего имущества, а также приказа об эвакуации деревни. Однако, даже если предположить, что Орханы также были свидетелями этих событий, Суд не считает, что конкретные обстоятельства таковы, что в соответствии с требуемым стандартом доказывания можно установить, что заявитель или Орханы подверглись обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. в отношении такого уничтожения. В частности, он не находит в настоящем деле отличительных элементов, касающихся возраста или здоровья заявителя или Орханов, или конкретного поведения военнослужащих по отношению к любому из этих лиц, которые могли бы привести к выводу о том, что они подверглись обращению. вопреки статье 3 Конвенции (вышеупомянутые постановления по делу Дулаш против Турции, § 53-54,

363. Соответственно, Суд не находит, что обстоятельства настоящего дела свидетельствуют о нарушении статьи 3 в отношении уничтожения Девебой (постановление Акдивар и другие против Турции от 16 сентября 1996 г., Reports 1996-IV, § 91, и Menteş и другие против Турции, решение от 28 ноября 1997 г., Reports 1997-VIII, § 77).

364. Что касается жалобы на адекватность средств правовой защиты в этом отношении, Суд не считает необходимым рассматривать эту жалобу в соответствии со статьей 3, учитывая его рассмотрение адекватности расследований предполагаемой смерти Орханов под стражей и уничтожение Девебою в соответствии со статьями 2, 5 и 13 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ОРХАНОВ

365. Заявитель также утверждал, что незаконное и непризнанное содержание под стражей Орханов без связи с внешним миром после их первоначального задержания силами безопасности и последующее неадекватное расследование привели к многочисленным нарушениям статьи 5 Конвенции. Правительство вновь заявило о своей отрицании фактических утверждений заявителя.

366. Статья 5, в соответствующей части, предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное задержание лица после вынесения обвинительного приговора компетентным судом;

(b) законный арест или задержание лица за невыполнение законного постановления суда или в целях обеспечения выполнения любого обязательства, предусмотренного законом;

(c) законный арест или задержание лица, осуществляемые с целью доставить его к компетентному судебному органу по обоснованному подозрению в совершении преступления или когда разумно считать необходимым предотвратить его совершение преступления или бегство после совершения преступления ;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение.

3. Каждый арестованный или задержанный в соответствии с положениями пункта 1(c) настоящей статьи должен быть незамедлительно доставлен к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в разумный срок или на освобождение. в ожидании суда. Освобождение может быть обусловлено гарантиями явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или задержания, имеет право возбудить дело, в ходе которого суд безотлагательно решает законность его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или содержания под стражей в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

367. Суд заявил в вышеупомянутом решении по делу Курта (§ 122) следующее (см. также упомянутые выше решения по делам Чакыджи, Тимурташа и Чичека в §§ 104, 103 и 162 соответственно):

«... фундаментальное значение гарантий, содержащихся в статье 5, для обеспечения права человека в условиях демократии не подвергаться произвольному задержанию со стороны властей. Именно по этой причине Суд неоднократно подчеркивал в своем прецедентном праве, что любое лишение свободы должно быть осуществлено не только в соответствии с материальными и процессуальными нормами национального права, но и в равной степени должно соответствовать самой цели лишения свободы. Статья 5, а именно для защиты личности от произвола (...). Это настойчивое требование защиты личности от любого злоупотребления властью иллюстрируется тем фактом, что статья 5 § 1 ограничивает обстоятельства, при которых лица могут быть законно лишены свободы,

368. Далее Суд подчеркнул в решении по делу Курта (§ 123):

«...что авторы Конвенции усилили защиту человека от произвольного лишения его или ее свободы, гарантируя совокупность основных прав, которые призваны свести к минимуму риск произвола, позволив акту лишения свободы поддаваться независимый судебный контроль и обеспечение ответственности властей за этот акт. Требования статьи 5 §§ 3 и 4 с их акцентом на безотлагательности и судебном контроле приобретают особое значение в этом

контексте. Своевременное судебное вмешательство может привести к обнаружению и предотвращению угрожающих жизни мер или серьезного жестокого обращения, которые нарушают основные гарантии, содержащиеся в статьях 2 и 3 Конвенции (...).

369. Суд подчеркивает в этой связи, что непризнанное задержание человека является полным отрицанием этих гарантий и грубейшим нарушением статьи 5. Приняв контроль над этим лицом, власти обязаны отчитаться о его или ее местонахождении. По этой причине статью 5 следует рассматривать как требующую от властей принятия эффективных мер для защиты от риска исчезновения и проведения безотлагательного эффективного расследования спорного заявления о том, что лицо было задержано и с тех пор его никто не видел (вышеупомянутое процитированы постановления Тимурташа, § 103, и Чичека, § 164).

370. Суд установил, что Орханы были задержаны силами безопасности 24 мая 1994 года в Девебой, и в последний раз их видели в руках этих сил в деревне Гюмюссую.

371. Во-первых, задержание Орханов не было зарегистрировано в соответствующих протоколах содержания под стражей в отделениях жандармерии Зейрек, Лидже или Кулп. Никаких других протоколов содержания под стражей (например, из воинских частей) не предъявлялось, да и не предполагается, что они существуют. Действительно, не существует никаких официальных данных об их последующем местонахождении или судьбе. Этот факт сам по себе следует считать серьезнейшим недостатком, поскольку он позволяет виновным в совершении акта лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответственности за судьбу задержанного. По мнению Суда, отсутствие данных, фиксирующих такие вопросы, как дата, время и место задержания, имя задержанного, а также причины задержания и имя лица, производившего его,

372. Кроме того, в практике регистрации содержания под стражей в жандармериях были отмечены определенные серьезные недостатки (см. § 313 настоящего Постановления). Первый установленный недостаток не допускается внутригосударственным законодательством, а именно жандармская практика задержания лиц по разным причинам в их отделениях без записи в журналы задержанных. Второй и третий отказы еще больше подчеркивают ненадежность записей о задержании, поскольку в этих записях не будет указано, был ли человек задержан вооруженными силами, и может не быть указана дата освобождения из жандармерии. Эти три недостатка свидетельствуют об отсутствии эффективных мер защиты от риска исчезновения лиц, содержащихся под стражей.

373. Кроме того, Суд отмечает свои выводы в пункте 348 выше относительно неадекватности расследования ранних, последовательных и серьезных утверждений заявителя о задержании и задержании Орханов силами безопасности и их последующем исчезновении (решение по делу Чичека, § 167).

374. По всем этим причинам Суд приходит к выводу, что Орханы содержались под стражей в неустановленном порядке при полном отсутствии наиболее фундаментальных гарантий, требуемых статьей 5 Конвенции (решение по делу Чичека, § 168).

375. Соответственно, он приходит к выводу, что имело место нарушение права Орханов на свободу и личную неприкосновенность, гарантированных статьей 5.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 И СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ И ОРХАНОВ

376. Заявитель далее жаловался в соответствии со статьей 8 и статьей 1 Протокола № 1, что разрушение его дома и дома Орханов, имущества и имущества представляло собой серьезное нарушение их права на уважение их частной и семейной жизни, их жилища и их право на мирное пользование своим имуществом. Он также утверждал, что его изгнание из дома, деревни и общины представляло собой отдельное и серьезное нарушение его прав в соответствии с этими положениями. Правительство оспаривает утверждения о том, что в Девебой велась какая-либо подобная военная операция или что она вообще проводилась.

377. Статья 8 гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Государственная власть не может вмешиваться в осуществление этого права, за исключением случаев, предусмотренных законом и необходимых в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественной безопасности или экономического благосостояния стране, для предотвращения беспорядков или преступлений, для защиты здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других».

378. Статья 1 Протокола № 1 гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на мирное пользование своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в общественных интересах и при соблюдении условий, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения, однако, никоим образом не нарушают права Государства применять такие законы, которые оно считает необходимыми для

контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других взносов или штрафов.”

379. Суд установил, что дома и определенное имущество заявителя и Орханов были преднамеренно уничтожены силами безопасности. Дом заявителя продолжал оставаться домом Чезаира Орхана в Девебой. Кроме того, село пришлось эвакуировать после сбора урожая. Нет сомнений в том, что эти действия представляли собой особенно серьезное и неоправданное вмешательство в право заявителя и Орханов на уважение их частной и семейной жизни и жилища. Такие действия также представляли собой серьезное и неоправданное вмешательство в мирное пользование заявителем, Хасаном Орханом и Селимом Орханом своей собственностью и имуществом. Не было представлено никаких доказательств в отношении собственности или имущества Чезаира Орхана в Девебой (вышеупомянутые постановления Акдивара и других, § 88, Ментеш и другие, § 73, Дулаш, § 60, и Сельчук и Аскер, § 86). Суд не считает необходимым рассматривать вопрос о том, является ли принудительная эвакуация деревни сама по себе достаточной для того, чтобы представлять собой нарушение этих статей.

380. Соответственно, Суд находит нарушение статьи 8 и статьи 1 Протокола № 1 в отношении заявителя, Селима Орхана и Хасана Орхана, и статьи 8 только в отношении Чезаира Орхана.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЯМИ 2, 3, 5, 8 КОНВЕНЦИИ И СТАТЬЕЙ 1 ПРОТОКОЛА №. 1 К КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ И ОРХАНОВ

А. Доводы сторон

381. Заявитель жаловался со ссылкой на статью 13, что ни он, ни Орханы не имели эффективных внутренних средств правовой защиты в отношении исчезновения Орханов или разрушения Девебой. Правительство сослалось на расследования, проведенные по утверждениям заявителя. Они также предположили, что заявитель мог возбудить административный или гражданский иск о возмещении ущерба или подать жалобу в прокуратуру, что представляет собой эффективное средство правовой защиты по смыслу статьи 13 Конвенции.

382. Статья 13 предусматривает следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты перед национальным органом власти, несмотря на то, что нарушение было совершено лицами, действующими в официальном качестве».

Б. Общие принципы

383. Суд напоминает, что статья 13 гарантирует наличие на национальном уровне средств правовой защиты для обеспечения соблюдения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, в любой форме, в которой они могут быть обеспечены в национальном правопорядке. Таким образом, действие статьи 13 требует предоставления внутренних средств правовой защиты для рассмотрения существа соответствующей жалобы в соответствии с Конвенцией и предоставления надлежащей судебной защиты, хотя Договаривающимся государствам предоставляется определенная свобода действий в отношении того, каким образом они выполняют свои обязательства по Конвенции. в соответствии с этим положением. Объем обязательства по статье 13 варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией. Тем не менее, средство правовой защиты, требуемое статьей 13, должно быть «эффективным» как на практике, так и по закону.

384. Кроме того, если родственники лица имеют обоснованное заявление о том, что последнее исчезло от рук властей, понятие эффективного средства правовой защиты для целей статьи 13 влечет за собой, в дополнение к выплате компенсации, где это уместно, тщательное и эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных и включая эффективный доступ родственников к следственному процессу (с соответствующими изменениями, вышеупомянутые решения по делу Аксоя, Айдына и Кая по § 98, § 103 и §§ 106 -107 соответственно). Далее Суд напоминает, что требования статьи 13 шире, чем обязательство Договаривающегося государства по статье 2 провести эффективное расследование исчезновения человека по вине властей (Kiliç против Турции, № 22492/93, § 93,

385. То же самое относится к случаям, когда лицо имеет обоснованное заявление о том, что его дом и помещения были преднамеренно разрушены представителями государства (упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу "Ментес и другие против Турции", § 89).

С. Оценка Суда

386. Что касается исчезновения Орханов, Суд установил, что сын заявительницы и два брата были задержаны силами безопасности, что власти не представили никаких записей об их последующем задержании и что их можно считать умершими (см. 330-331 выше). Суд также установил, что воздействие на заявителя исчезновения Орханов и его последующего поиска представляло собой бесчеловечное обращение. Таким образом, жалобы по статьям 2, 3 и 5 в этом отношении явно «доказуемы» для целей статьи 13 (решение по делу «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» от 27 апреля 1988 г., Серия А, т. 131, § 52, вместе с вышеупомянутые постановления Кауа и Уаза, § 107 и § 113 соответственно).

387. Таким образом, власти были обязаны провести эффективное расследование исчезновения Орханов. По причинам, изложенным выше в контексте статьи 2 (см. пункт 348), эффективное уголовное расследование не было проведено в соответствии со статьей 13, требования которой шире, чем обязанности по расследованию, налагаемые статьей 2 (вышеприведенное решение по делу Кая, § 107, и решение по делу Чакычи, §§ 108 и 114).

388. Что касается уничтожения Девебою, Суд установил, что это свидетельствует о нарушении статьи 8 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 в отношении заявителя, Селима Орхана и Хасана Орхана и представляет собой нарушение статьи 8 в уважение Чезаира Орхана. Таким образом, эти жалобы также являются «доказуемыми» для целей статьи 13 (упомянутые выше постановления по делу Бойл и Райс, § 52; Кайя против Турции, § 107, Яша против Турции, § 113, и Дулаш против Турции). Турция, § 67).

389. Суд считает, что не было установлено с достаточной уверенностью, что средства правовой защиты, упомянутые Правительством (см. пункт 381 выше), в обстоятельствах настоящего дела обеспечивали какую-либо эффективную возможность получения возмещения в отношении разрушения Девебой.

390. Во-первых, заявитель устно пожаловался на поджог села 7 мая 1994 г. Ахмету Поташу и Али Эргюльмезу. В то время как последний согласился в доказательствах, что любая жалоба на поджоги в деревне будет серьезной, нет никаких доказательств того, что кто-либо из этих офицеров возбудил какое-либо расследование в отношении этой жалобы (пункт 320 выше).

391. Хотя Суд признает, что исчезновение Орханов, а не сожжение его деревни, было первоначально приоритетом для заявителя, в любом случае, к февралю 1995 г. его заявление, включая подробные утверждения о сожжении Девебой, было передано правительству. . Последовали инструкции Министерства юстиции Мустафе Атагуну (главного прокурора Диярбакыра), который вызвал заявителя (см. пункты 65-72 выше) и принял его заявление, в котором заявитель

подтвердил свое утверждение о том, что деревня была уничтожена силами безопасности. Хотя Мустафа Атагюн направил заявление главному прокурору Кулпа, это была степень его участия, и ответ главного прокурора Кулпа (письмо от 16 мая 1995 г.) касался только расследования исчезновения Орханов. К июлю 1995 года главный прокурор Кулпа передал юрисдикцию районному административному совету, и нет никаких свидетельств того, что после этого какие-либо расследования касались уничтожения Девебойю силами безопасности.

392. Следует также принимать во внимание ситуацию, существовавшую на юго-востоке Турции во время событий, на которые жалуется заявитель, которая характеризовалась ожесточенными столкновениями между силами безопасности и членами РПК (решение *Mentes and Others*, упомянутое выше), § 58). В такой ситуации, как Суд признал в предыдущих делах, могут возникнуть препятствия для надлежащего функционирования системы отправления правосудия (вышеупомянутые постановления по делу *Акдивар* и другие против Турции, § 70, по делу *Джемиль Кылыч* против Турции, §§ 71–75, и в деле *Махмут Кая* против Турции, §§ 94–98).

393. Суд также напоминает, что, несмотря на масштабы проблемы разрушения деревень, по-видимому, нет примеров присуждения компенсации в связи с заявлениями о намеренном уничтожении имущества сотрудниками сил безопасности или возбуждением против них судебного преследования. в отношении таких утверждений (вышеупомянутые постановления *Mentes and Others*, § 59, и *Selçuk and Asker*, § 68).

394. Более того, Суд постоянно находил общее нежелание властей признать, что такая практика со стороны сотрудников сил безопасности имела место (решение *Selçuk and Asker*, § 68), и доказательства жандармерии в настоящем деле не допускает иного вывода. Напротив, устные показания жандармов в настоящем деле только подтверждают это нежелание: во время своих устных показаний перед делегатами Али Эргюльмез оценил шансы того, что силы безопасности смогут разрушить деревню, как 1000 к 1; Умит Шеноджак даже не принял бы эти шансы, так как считал невозможным, чтобы силы безопасности сделали такое, а Азиз Йылдыз зашел так далеко, что предположил, что было бы неправильно даже обсуждать такое немыслимое утверждение.

395. Соответственно, Суд считает, что Правительство не продемонстрировало с достаточной уверенностью существование эффективных и доступных внутренних средств правовой защиты для жалоб, касающихся уничтожения Девебойю. Принимая во внимание обстоятельства, при которых дома его, Орханов и других жителей деревни были разрушены в Девебойю, Суд считает понятным, если бы

заявитель и Орханы сочли бессмысленными попытки добиться удовлетворения через национальные правовые каналы. Незащищенность и уязвимость сельских жителей после разрушения их дома и деревни также имеют определенное значение в этом контексте (дело Сельчука и Аскера, упомянутое выше, §§ 70-71).

396. Соответственно, Суд считает, что не было доступных эффективных средств правовой защиты в отношении предполагаемой смерти Орханов в заключении и уничтожения Девебой. Таким образом, Суд заключает, что имело место нарушение статьи 13 в сочетании со статьями 2, 3, 5 и 8 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1 в отношении заявителя и Орханов.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ И ОРХАНОВ

397. Ссылаясь на свои доводы относительно непредоставления Правительством необходимой и соответствующей информации, документов и свидетелей в этом заявлении, заявитель утверждал, что он был лишен возможности доказать истинные мотивы сил безопасности при уничтожении Девебой и задержании Орханы, которые были дискриминационными, учитывая курдское происхождение его и Орханов. Он считал, что Суду в настоящем и предыдущих делах предоставлено достаточно доказательств, в том числе значительное количество опубликованных материалов о положении курдов на юго-востоке Турции, чтобы сделать вывод о том, что мотивы или, по крайней мере, воздействие оспариваемых действия, носит явно дискриминационный характер. Правительство продолжало отрицать фактическую основу жалоб по существу.

398. Статья 14 Конвенции предусматривает:

«Осуществление прав и свобод, изложенных в [Конвенции], должно обеспечиваться без дискриминации по любому признаку, такому как пол, раса, цвет кожи, язык, религия, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, принадлежность к национальному меньшинству, собственности, рождения или иного статуса».

399. Суд отмечает свои выводы о нарушении статей 2, 3, 5, 8, 13 и статьи 1 Протокола № 1 в связи с жалобами заявителя на предполагаемую смерть Орханов во время содержания под стражей и на уничтожение Девебой и не считает необходимым также рассматривать эти жалобы в совокупности со статьей 14 Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 18 И 34 КОНВЕНЦИИ

400. Статья 18 гласит:

«Ограничения, разрешенные настоящей Конвенцией в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться ни для каких иных целей, кроме тех, для которых они были предусмотрены».

401. Статья 34 гласит, насколько это применимо, следующее:

«Суд может принимать заявления от любого лица,... утверждающего, что оно является жертвой нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон прав, изложенных в Конвенции или протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

402. Во-первых, заявительница жаловалась на то, что Правительство не предоставило необходимых и соответствующих свидетелей, информации и документов органам Конвенции. Суд уже сделал определенные выводы в этом отношении в контексте статьи 38 Конвенции (см. пункт 274 выше) и не считает необходимым также рассматривать эти вопросы в соответствии со статьями 18 или 34 Конвенции.

403. Во-вторых, заявитель жаловался в соответствии со статьей 34 на то, что его вызвали к г-ну Атагюну из Главной прокуратуры Диярбакыра, утверждая, что это представляет собой серьезное вмешательство в осуществление его права на подачу индивидуальной жалобы, гарантированного статьей 34 Конвенции.

404. Он утверждал, что целью встречи было допросить его по поводу его жалобы в Комиссию, а заявление, составленное г-ном Атагюном, не являлось точной записью того, что было сказано. Он объяснил, что г-н Атагюн был зол на него, что он был расстроен и подавлен, что г-н Атагюн не перечитал ему его показания, и именно поэтому в его показаниях от 2 мая 1995 г. Комиссия.

405. Правительство утверждало, что целью вызова заявителя в офис г-на Атагюна было допросить его о том, что он помнит о задержании Орханов, и проверить подлинность доверенности, которую он подписал в пользу английских адвокатов. Как г-н Атагюн объяснил делегатам Комиссии, этот последний шаг был вызван тем фактом, что в различных других делах, переданных в органы Конвенции, было доказано, что показания заявителей и свидетелей были сфальсифицированы. Они также утверждали, что нет никаких доказательств того, что процедура и отношение соответствующего прокурора были такими, как утверждает заявитель.

406. Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы индивидуальных жалоб, установленной статьей 34, крайне важно, чтобы заявители или потенциальные заявители имели возможность свободно общаться с органами Конвенции, не подвергаясь давлению в какой-либо форме со стороны властей. отозвать или изменить свои жалобы (вышеупомянутые постановления Акдивара и других, § 105; Аксой, § 105; Курт, § 159; Танрыкулу, § 130,

вместе с решением по делу Эрги против Турции от 28 июля 1998 г., Reports 1998- IV, § 105). В этом контексте «давление» включает не только прямое принуждение и вопиющие акты запугивания, но также и другие неправомерные косвенные действия или контакты, направленные на то, чтобы отговорить заявителей или воспрепятствовать им использовать средство правовой защиты, предусмотренное Конвенцией (дело Курта, упомянутое выше, § 159).

407. Кроме того, вопрос о том, являются ли контакты между властями и заявителем равносильными неприемлемой практике с точки зрения прежней статьи 34, должен определяться в свете конкретных обстоятельств дела. В этом отношении необходимо учитывать уязвимость заявителя и его или ее подверженность влиянию со стороны властей. В предыдущих делах Суд принял во внимание уязвимое положение сельских жителей-заявителей и тот факт, что на юго-востоке Турции жалобы на действия властей вполне могут вызвать законный страх перед репрессиями, и установил, что допрос заявителей об их заявления в Комиссию представляли собой форму незаконного и неприемлемого давления,

408. В настоящем деле нет необходимости разрешать спор относительно точного тона и поведения Мустафы Атагуна, когда он брал показания заявителя, учитывая бесспорные относящиеся к делу факты: полиция вызвала заявителя в дом в Диярбакыре, чтобы вызвать его до главный прокурор Диярбакыра; поэтому он присутствовал в офисе Мустафы Атагуна, который принимал его показания; ему показали копию его подписанной формы полномочий в пользу его британских законных представителей в отношении его заявления в бывшую Комиссию, и его попросили подтвердить, подписал ли он этот документ или нет. Напоминая о факторах, отмеченных в предыдущем абзаце, заявитель мог, как он свидетельствовал, быть запуганным и нестабилизированным пережитым.

409. Суд хотел бы подчеркнуть, что властям государства-ответчика нецелесообразно вступать в непосредственный контакт с заявителем даже под предлогом проверки того, действительно ли заявитель подписал доверенность в пользу законных представителей перед первым комиссией или этого суда. Даже если у правительства есть основания полагать, что в конкретном случае право на подачу индивидуальной жалобы нарушается, надлежащим курсом для этого правительства является предупреждение Суда и информирование его о своих опасениях (постановление по делу Танрикулу, упомянутое выше, § 131). Поступить так, как поступило Правительство в настоящем деле, Суд находит, обоснованно истолкованным заявителем как попытка запугать его.

410. Кроме того, Суд находит, что власти попытались поставить под сомнение обоснованность настоящей жалобы и, таким образом,

достоверность заявительницы. Эти действия нельзя не интерпретировать как попытку помешать успешному удовлетворению заявителем своих требований, что также представляет собой отрицание самой сути права на подачу индивидуальной жалобы (упомянутое выше постановление по делу Танрикулу, § 132).

411. Соответственно, Суд считает, что государство-ответчик не выполнило свои обязательства по статье 34 Конвенции.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

412. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет справедливое удовлетворение пострадавшая сторона».

413. Заявитель потребовал 150 516 фунтов стерлингов (GBP) от своего имени (в случае, если его дом не будет реконструирован) вместе с «прибавкой» в размере 50% в качестве штрафного возмещения ущерба. 299 323 фунта стерлингов каждый был заявлен от имени Селима и Хасана Орхана и 279 522 фунта стерлингов от имени Чезаира Орхана вместе с дополнительными 50% в качестве примерного возмещения ущерба в каждом случае. Наконец, также было запрошено возмещение судебных издержек и издержек в размере 40 800,52 фунтов стерлингов.

414. Претензии в фунтах стерлингов были основаны на обменных курсах, применимых в августе 2000 года, когда впервые было подано требование о справедливой компенсации, и с этой даты была запрошена процентная ставка в размере 8%. Любая компенсация за ущерб должна была быть произведена в фунтах стерлингов (из-за колебания стоимости турецкой лиры – «TRL») и выплачена на счет в фунтах стерлингов, который должен быть указан им. доверять ему. Он также потребовал, чтобы любые судебные издержки и компенсация расходов были выплачены на счет KHRP в Лондоне.

415. Правительство оспаривало утверждения заявителя о фактах и утверждало, что, поскольку нарушения Конвенции не было, справедливая компенсация не подлежала выплате. В качестве альтернативы они не согласились с вопросами и лицами, в отношении которых требовалась компенсация, а также с расчетами заявителя и обоснованием его требований. Они потребовали, чтобы любая справедливая компенсация была выплачена заявителю в Турции и в турецких лирах. В любом случае Правительство утверждает, что семьи Орханов не имеют правоспособности перед Судом.

416. Суд отмечает, как это было подтверждено представителем заявителя во время устного слушания дела в Суде, что заявитель подал

это заявление от своего имени, а также от имени своего сына (Чезайира Орхана) и своих братьев (Селима и Хасана Орханов). В этих обстоятельствах Суд может, если он сочтет это целесообразным, присудить компенсацию за нарушения Конвенции, жертвами которых стали Орханы, причем такие компенсации должны быть переданы заявителю в доверительное управление имуществом Орханов (решение по делу Курта, цит. выше, § 174, и Çakıcı против Турции, упомянутое выше, § 125).

417. Что касается валюты, в которой должны быть выплачены какие-либо компенсации, и того, где они будут выплачены, Суд отмечает, что британские представители заявителя в Европейском Суде пользовались помощью дополнительных британских и турецких лиц и организаций, и что именно эти британские представители ответственность за покрытие расходов тех, кто привлечен для оказания им помощи. Следовательно, любая компенсация расходов и издержек может быть выплачена на счет в фунтах стерлингов, указанный заявителем. Тем не менее, Суд считает, что не было выдвинуто никаких причин, по которым любая присужденная компенсация не может быть произведена в фунтах стерлингов для конвертации в турецкие лиры на дату расчета, поскольку такой перевод касается единственной значимой проблемы, высказанной заявителем, а именно колебания стоимости турецкой лиры.

А. Материальный ущерб

418. Заявитель требовал компенсации материального ущерба, понесенного им и Орханами. Хотя эти претензии превышают предыдущие суммы, он считает их хорошо документированными, обоснованными и справедливыми. Правительство сослалось на то, что денежное возмещение должно производиться только в самых редких случаях и только тогда на справедливой основе, в разумных пределах и во избежание спекуляций.

1. Дома, земля и другое имущество

419. От своего имени заявитель потребовал 3 191,40 фунта стерлингов в качестве компенсации за материальный ущерб, возникший в связи с потерей его дома (2-этажный каменный дом площадью 280 квадратных метров), собранного урожая (2 тонны пшеницы и 500 килограммов чечевицы), многочисленных предметы домашнего обихода (включая кровать, холодильник, телевизор, духовку, кухонный шкаф и посуду, ковер, коврики, диван, стулья, стол, плиту, шторы, одежду, стеклянный шкаф, два полных сундука «приданое») и его домашний скот (10 коров и 25 коз).

420. По 3 372 фунта стерлингов каждый требовал возмещения материального ущерба от имени каждого из Орханов. Что касается Селима Орхана, то упоминаются разрушение и потеря его дома, имущества и домашнего скота (35 овец и 5 коров). В подробной описи, представленной в отношении Хасана Орхана, оценивались его дом (2-этажный каменный дом площадью 260 квадратных метров), уничтоженные предметы домашнего обихода (аналогичные перечисленным заявителем) и его домашний скот (5 коров и 20 коз). Не было предоставлено никакой информации о каком-либо имуществе или имуществе Чезаира Орхана, которое было уничтожено.

421. В поддержку этих утверждений заявитель представил отчет Палаты инженеров и архитекторов Турции, в котором приводились опубликованные данные Министерства жилищного строительства и общественных работ относительно затрат на реконструкцию и стоимости домов. Показания заявителя, Аднана Орхана (сына Селима) и Ахмета Орхана (сына Хасана) свидетельствуют о количестве земли и скота, которыми владел их отец.

422. Правительство сочло материалы, представленные заявителем, нереалистичными и пристрастными. Заявление Палаты инженеров и архитекторов и другие таблицы, касающиеся стоимости и доходов от сельскохозяйственных земель и животных, не были подтверждены никакими документальными свидетельствами или посещениями объектов.

423. С одной стороны, Суд установил, что дома заявителя, Селима Орхана и Хасана Орхана были разрушены. С учетом своих выводов относительно времени, отведенного для вывоза их вещей, Суд признает, что значительная часть содержимого этих трех домов также была уничтожена. Следовательно, необходимо произвести какое-то компенсационное вознаграждение. С другой стороны, не было представлено никаких решающих (например, независимых) доказательств размера и характера разрушенных и утраченных домов, имущества и имущества. Не было представлено никаких доказательств того, что случилось с домашним скотом заявителя, Селима Орхана и Хасана Орхана. Тем не менее, следует отметить, что Правительство, оспаривая утверждения заявителя относительно принадлежащего ему имущества и подчеркивая непредставление заявителем отчета об осмотре места происшествия,

424. В таких обстоятельствах оценка Судом необходимых компенсаций должна по необходимости быть спекулятивной и основываться на принципах справедливости (постановление Акдивар и другие против Турции (статья 50) от 1 апреля 1998 г., Reports 1998-II, § 18 и вышеупомянутое решение по делу Сельчук и Аскер, §§ 106, 108 и 110).

425. Суд присуждает по 2500 фунтов стерлингов заявителю, Селиму Орхану и Хасану Орхану. Однако, поскольку у Чезаира Орхана не было дома в Девебой и не было дано никаких указаний на какое-либо из его имущества, которое предположительно было уничтожено, Суд отклоняет иск, поданный по этому пункту от имени Чезаира Орхана.

2. Потеря прошлых доходов и будущих доходов

426. Заявитель потребовал 42 566 фунтов стерлингов от своего имени и 31 730 фунтов стерлингов каждый от имени Селима и Хасана Орханов в отношении потери прошлых доходов от фермерства. Утверждалось, что все трое владели 10 акрами орошаемой земли (для овощей) и 15 акрами засушливой земли (для зерновых культур), заявитель также имел в виду свои рощи, сады и лесные угодья. В поддержку этих утверждений были представлены отчет Турецкого союза сельскохозяйственных рабочих (с указанием годового дохода на «декар» и от скота) и подробные графики расчета доходов заявителя и Селима и Хасана Орханов. 10 318 фунтов стерлингов также были заявлены от имени Чезаира Орхана, эта цифра основана на прошлых доходах в размере 8,60 фунтов стерлингов в день, рабочем году в 200 дней и таблице доходов Министерства общественных работ для строительной отрасли.

427. Заявление о потере будущих доходов Орханов было основано на актуарных таблицах Огдена и их работе до достижения ими 65-летнего возраста. Таким образом, от имени Хасана и Селима Орханов заявлено по 37 018 фунтов стерлингов каждый, а от имени Чезаира Орхана - 39 560 фунтов стерлингов в отношении будущих доходов.

428. Правительство утверждало, что актуарные расчеты носили спекулятивный характер и могли быть использованы лицами, стремящимися к неосновательному обогащению. Кроме того, Правительство указало, что не было представлено никаких документов, подтверждающих фактические и соответствующие доходы заявителей, а это означает, что любая оценка, основанная на их фиктивных цифрах, будет спекулятивной. Они также утверждали, что заявленные суммы были чрезмерными.

429. Суд разъясняет, что нет никаких доказательств того, что право собственности на землю заявителя, Селима Орхана и Хасана Орхана было фактически прекращено, и он рассмотрел требования о потере земли как требования о потере дохода (прошлого и будущего).) из той земли.

430. Суд напоминает, что должна существовать четкая причинно-следственная связь между ущербом, заявленным заявителем, и нарушением Конвенции, и что в соответствующем случае она может включать компенсацию в отношении потери заработка (*Barberà, Messegué and Jabardo v. Решение Испании от 13 июня 1994 г.* (статья

50), Серия А, № 285-С, §§ 16-20, и вышеупомянутые решения по делу *Sakıcı*, § 127, и по делу *Selçuk and Asker*, § 112).

431. Кроме того, следует напомнить, что точному расчету сумм, необходимых для полного возмещения (*restitutio in integrum*) материальных убытков, понесенных заявителем, может помешать неопределенность характера ущерба, вытекающего из нарушения (Янг, решение по делу Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства (бывшая статья 50) от 18 октября 1982 г., Серия А, № 55, § 11). Компенсация все же может быть вынесена, несмотря на большое количество непредвиденных обстоятельств, связанных с оценкой будущих убытков, хотя, чем больше промежуток времени, тем более неопределенной становится связь между нарушением и ущербом. В таких случаях необходимо решить вопрос об уровне справедливой компенсации в отношении прошлых и будущих материальных убытков, которую необходимо присудить заявителю.

432. Суд установил, что Орханы могут считаться умершими в нарушение статьи 2 Конвенции, что дома заявителя, Селима Орхана и Хасана Орхана были разрушены в нарушение статей 8 и 1 Протокола № 1 и что их семьи были вынуждены эвакуироваться из Девенбою. При таких обстоятельствах существовала причинно-следственная связь между этими нарушениями Конвенции и прекращением заработка Орханов, которые, по мнению Суда, использовались супругами и детьми Селима и Хасана, а также семьей Чезаира Орхана (заявителя). Кроме того, существует причинно-следственная связь между этими нарушениями Конвенции и сокращением заработка заявителя.

433. Таким образом, Суд принял во внимание, с одной стороны, подробные актуарные заявления и расчеты заявителя в отношении суммы капитала, представляющей требования о потерянных прошлых и будущих доходах (Танли против Турции, № 26129/95, § 183, ЕСПЧ). 2001 г. и вышеупомянутое решение по делу Чакиджи против Турции, § 127), а с другой стороны, отсутствие каких-либо независимых доказательств относительно размера земельных владений, поголовья скота и доходов от них заявителя Селима Орхана. и Хасана Орхана, или фактического заработка Чезаира Орхана в соответствующее время, или текущего заработка заявителя.

434. Принимая во внимание справедливые соображения (вышеупомянутое решение по делу Чичека, § 201), Суд присуждает по этому пункту 2 500 фунтов стерлингов заявителю, по 5 000 фунтов стерлингов Селиму и Хасану Орхану вместе с 8 000 фунтов стерлингов Чезаиру Орхану.

3. Арендная плата и другие дополнительные расходы на проживание

435. Что касается прошлых дополнительных арендных и других расходов на проживание, заявитель также потребовал 3 970 фунтов стерлингов от своего имени и от имени каждого из поместий Орханов. Было объяснено, что сельскохозяйственная продукция и топливо были доступны бесплатно в Девебой, а также была сделана ссылка на неуказанные суммы дополнительных расходов на образование, электричество, воду и отопление в Диярбакыре. Требование заявителя основано на арендной плате, которую он фактически заплатил в Диярбакыре. В заявлениях сыновей Селима и Хасана Орханов указано, что их семьи платили арендную плату в размере 50 000 000 турецких лир и 40 000 000 турецких лир в месяц, соответственно, в Диярбакыре.

436. Что касается будущих дополнительных расходов, заявитель также заявил, предполагая, что его дом не будет реконструирован, и на основании актуарных данных Огдена, 12 900 фунтов стерлингов в качестве арендной платы, ссылаясь также на дополнительные расходы на питание и топливо в Диярбакыре.

437. Суд напоминает, что это заявление было подано заявителем от своего имени и от имени Орханов, которые в настоящее время считаются умершими. Соответственно, единственная соответствующая причинно-следственная связь, которая должна быть установлена, - это связь между предполагаемыми нарушениями в отношении Орханов и последующим ущербом, понесенным ими. Соответственно, и хотя они явно больше не зарабатывали, учитывая их предполагаемую смерть (и, следовательно, компенсацию в отношении упущенного дохода), было бы непоследовательным признать, что эти предполагаемые умершие впоследствии понесли или понесут дополнительные расходы на аренду и другие расходы на проживание.

438. Однако Суд установил, что дом заявителя был разрушен и что он был вынужден покинуть деревню в конце 1994 г. в нарушение статьи 8 и статьи 1 Протокола № 1. Также признано, что он должен был и имеет определенные расходы на домашнее хозяйство в Диярбакыре (например, продукты питания и топливо) сверх расходов на проживание в сельской местности. Следовательно, необходимо присудить заявителю некоторую компенсацию в отношении этих арендных и других дополнительных расходов (упомянутое выше решение по делу *Selçuk and Asker*, §§ 113-114). Тем не менее, не было представлено никаких независимых документальных доказательств относительно арендной платы, уплаченной заявителем в Диярбакыре, или предполагаемых дополнительных расходов на домашнее хозяйство, так что оценка Судом необходимого возмещения по необходимости должна быть спекулятивной и основываться на принципах справедливости.

439. Таким образом, заявителю присуждается 2000 фунтов стерлингов по этой статье.

4. Материальные убытки, вытекающие из неадекватных расследований

440. Заявитель утверждал, что надлежащее расследование позволило бы ему установить ответственность и получить компенсацию в Турции в связи с предполагаемой смертью Орханов и сожжением Девебой, и он утверждал, что понес материальный ущерб в этом отношении. Тем не менее, Суд считает, что это равносильно двойному требованию о компенсации в отношении одних и тех же вопросов, поскольку Суд уже присудил материальный (и моральный – см. Предполагаемая смерть Орхана и разрушение Девебой порождают.

В. Моральный вред

441. Во-первых, что касается предполагаемой смерти Орханов, заявитель потребовал 40 000 фунтов стерлингов от имени каждого из их имущества и 45 000 фунтов стерлингов от своего имени. Во-вторых, он запросил 20 000 фунтов стерлингов от своего имени и от имени каждого из поместий Орханов, учитывая преднамеренное уничтожение общины Девебой и устоявшегося из поколения в поколение образа жизни. В-третьих, он потребовал 10 000 фунтов стерлингов от своего имени и от имени каждого из имений Орханов в связи с неадекватностью реакции национальных властей на его жалобы.

442. Правительство утверждало, что эти претензии были не только чрезмерными, но и не имеющими под собой никаких оснований. Такое решение не должно присуждаться ввиду отсутствия причинно-следственной связи между предполагаемыми нарушениями и каким-либо ущербом. Претензии были преувеличены, не учитывали социально-экономические условия в Турции и могли привести к неосновательному обогащению.

443. Суд установил, что предполагаемая смерть Орханов под стражей приводит к нарушению статей 2, 5 и 13 в отношении Орханов. Он считает, что присуждение компенсации должно быть вынесено в их пользу с учетом тяжести рассматриваемых нарушений. Соответственно, он присуждает сумму в размере 12 400 евро каждому в отношении Селима, Хасана и Чезаира Орхана. Более того, указанная выше предполагаемая смерть и реакция властей на поиск Орханов заявителем были признаны нарушением статей 3 и 13 в отношении заявителя. Суд считает, что присуждение компенсации в его пользу также явно оправдано. Таким образом, он присуждает заявителю сумму в размере 6 200 евро.

444. Наконец, Суд пришел к выводу, что уничтожение Девебой представляет собой серьезные нарушения статьи 8 и статьи 1 Протокола № 1 отдельно и в сочетании со статьей 13 в отношении

заявителя, Селима Орхана и Хасана Орхана, а также серьезное нарушение Статья 8 как отдельно, так и в сочетании со статьей 13 в отношении Чезаира Орхана.

445. 6 200 евро присуждается заявителю, по 4 400 евро каждому в отношении Селима и Хасана Орхана вместе с 2 500 евро в отношении Чезаира Орхана.

С. Краткое изложение денежных и неденежных компенсаций

446. Соответственно, следующие суммы присуждаются в порядке справедливой компенсации за понесенный денежный и моральный ущерб, причем все суммы должны быть конвертированы в турецкие лиры на дату выплаты:

1. заявителю: 7 000 фунтов стерлингов (материальный ущерб) и 12 400 евро (моральный ущерб);
2. в отношении Селима Орхана, имущество которого будет передано заявителю в доверительное управление: 7 500 фунтов стерлингов (материальный ущерб) и 16 800 евро (моральный ущерб);
3. в отношении Хасана Орхана, имущество которого будет передано заявителю в доверительное управление: 7 500 фунтов стерлингов (материальный ущерб) и 16 800 евро (моральный ущерб); и
4. Что касается Чезаира Орхана, то его имущество будет передано заявителю в доверительное управление: 8 000 фунтов стерлингов (материальный ущерб) и 14 900 евро (моральный ущерб).

D. Примерный ущерб и увеличенный ущерб

447. Заявитель далее утверждал от своего имени и от имени имущества Орханов, что нарушение статей 14, 18, 34 и 38 и вытекающая из этого недобросовестность означают, что сумма компенсации за ущерб должна быть «повышена» на 50 %. Такое решение будет выражать неодобрение особо предосудительного поведения государства и наказывать его. Хотя он признал, что Суд ранее отказывался сделать это, он утверждал, что Суд не привел никаких причин, что существовал международный прецедент и что такое решение было бы единственным способом достижения целей Конвенции. Правительство оспорило это предложение.

448. Суд отмечает, что он неоднократно, в последнее время и в Большой палате, отклонял ходатайства заявителей о возмещении примерного и штрафного ущерба (*Cable and Others v. the United Kingdom* [GC] № 24436/94 et seq., 18 февраля 1999, § 30, упомянутое

выше решение по делу Сельчук и Аскер, § 119, и Lustig-Prean and Beckett, упомянутое выше, §§ 22-23).

449. Таким образом, Суд отклоняет это требование.

Е. Обязательство реконструировать Девебой и расследовать предполагаемую смерть Орханов

450. Заявитель также утверждал, что Суд должен обязать государство реконструировать дома и деревню Чаглаян таким же образом, как он обязал государство вернуть соответствующее имущество в других случаях (решение по делу Папамихалопулос и другие против Греции (статья 50)), от 31 октября 1995 г., Серия А, № 330-В, и Брумэреску против Румынии [БП] (справедливая компенсация), № 28342/95, ЕСПЧ 2001). В связи с этим представлением он предложил Суду принять решение в интересах Комитета министров об отсутствии доказательств того, что восстановление села невозможно, а заявитель и его оставшиеся в живых родственники вернуться в свои дома. Он также просил суд потребовать проведения серьезного расследования судьбы Орханов.

451. Суд напоминает, что решение, в котором он устанавливает нарушение, налагает на государство-ответчика юридическое обязательство положить конец этому нарушению и возместить его последствия таким образом, чтобы восстановить, насколько это возможно, ситуацию, существовавшую до нарушения. (*restitutio in integrum*). Однако, если *restitutio in integrum* на практике невозможно, государства-ответчики свободны в выборе средств, с помощью которых они будут выполнять решение, в котором Суд установил нарушение, и Суд не будет выносить последующие постановления или декларативные заявления в этом отношении. На Комитет министров, действующий в соответствии со статьей 54 Конвенции, возлагается надзор за соблюдением в этом отношении (см. вышеприведенные постановления Папамихалопулос и другие, § 34 и Акдивар и другие (статья 50), § 47, и, что касается последующих заказы, *Tolstoy Miloslavsky v. the United Kingdom*, решение от 13 июля 1995 г., Series A no. 316-Б, §§ 69–72).

Ф. Затраты и расходы

452. Наконец, заявитель потребовал, ссылаясь на таблицы и счета-фактуры, 40 800,52 фунтов стерлингов в качестве судебных издержек и издержек (без учета налога на добавленную стоимость («НДС»)) в отношении судебных издержек в Великобритании) в разбивке следующим образом:

- 14 500 фунтов стерлингов за юридическую работу адвоката (примерно 140 часов);
- 13 630,52 фунтов стерлингов для КНРР, включая 9 116 фунтов стерлингов на юридическую работу (приблизительно 90 часов), 415 фунтов стерлингов на административные расходы, 1 529 фунтов стерлингов на расходы на перевод, 916,68 фунтов стерлингов на расходы на присутствие перед делегатами и 933,84 фунтов стерлингов на расходы на присутствие на слушаниях. в Страсбурге; и
- 12 940 фунтов стерлингов для турецких юристов, включая 12 030 фунтов стерлингов на судебные издержки (примерно 200 часов).

453. Он утверждал, что почасовые ставки являются разумными, что он имеет право нанимать иностранных адвокатов и иметь турецких адвокатов для их поддержки, что неадекватное внутреннее расследование сделало юридическую работу более сложной и продолжительной, что разделение труда между адвокатами было эффективным. и что участие КПЧ было необходимо, среди прочего, для облегчения консультаций между британскими и турецкими представителями, для перевода документов, для контактов с заявителем и для материально-технической и административной поддержки во время сбора доказательств в Анкаре в октябре 1999 г. .

454. Правительство утверждало, что, хотя возмещению подлежат только фактически понесенные затраты и затраты, не было представлено приемлемой квитанции, документа или счета-фактуры с налоговым номером. Кроме того, затраты и расходы были завышены, и не все они были обязательно понесены. В частности, Правительство возражало против любого возмещения расходов и издержек, заявленных в отношении КПЧ.

455. Суд отмечает, что в соответствии со статьей 41 Конвенции могут быть возмещены только необходимые и фактически понесенные судебные издержки и расходы. Он отмечает, что это дело связано со сложными вопросами фактов и права, требующими подробного изучения, сбора показаний свидетелей в Анкаре и устного слушания дела в этом Суде. Однако он считает чрезмерным общее количество часов юридической работы (более 430), на которые заявитель претендует в отношении своих британских и турецких адвокатов, и считает, что не было доказано, что все эти судебные издержки были понесены с необходимостью и разумно.

Кроме того, Суд признает необходимыми и разумными расходы британских и турецких адвокатов заявителя на перевод и администрирование; присутствие перед делегатами (одного британского и одного турецкого юриста); и присутствие в суде устного слушания (двух британских юристов).

456. Соответственно, он присуждает сумму в размере 29 000 фунтов стерлингов без учета любого налога на добавленную стоимость, который может подлежать начислению, но менее 2 455,29 евро, полученных в качестве юридической помощи от Совета Европы, чистая сумма компенсации должна быть выплачена в фунтах стерлингов на банковский счет в Соединенное Королевство, запрошенное и указанное заявителем.

Г. Проценты по умолчанию

457. Суд считает уместным, что проценты за просрочку платежа должны выплачиваться по ставке 7,25% годовых в отношении сумм, присужденных в евро, и 7,5% годовых в отношении сумм, присужденных в фунтах стерлингов.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД

1. Постановил шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Селима, Хасана и Чезаира Орхана;
2. Постановил шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителя;
3. Единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Селима, Хасана и Чезаира Орхана;
4. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 8 и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении заявителя, Селима Орхана и Хасана Орхана;
5. Единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении Чезаира Орхана;
6. Постановил шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьями 2, 3, 5 и 8 Конвенции вместе со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении заявитель, Селим Орхан, Хасан Орхан и Чезаир Орхан;
7. Постановил единогласно, что нет необходимости рассматривать жалобы по статье 14 Конвенции;

8. Постановил единогласно, что нет необходимости рассматривать жалобы по статье 18 Конвенции;
9. Постановил шестью голосами против одного, что имело место несоблюдение статьи 34 Конвенции;
10. Принято шестью голосами против одного.
что государство-ответчик должно выплатить в течение трех месяцев с даты, когда решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, подлежащие конвертации в турецкие лиры по курсу, действующему на дату выплаты:
 - (a) 7 000 фунтов стерлингов (семь тысяч фунтов стерлингов) в качестве компенсации материального ущерба и 12 400 евро (двенадцать тысяч четыреста евро) в качестве компенсации морального вреда в отношении заявителя;
 - (b) 7 500 фунтов стерлингов (семь тысяч пятьсот фунтов стерлингов) каждому в отношении Селима Орхана и Хасана Орхана в качестве компенсации материального ущерба и 16 800 евро (шестнадцать тысяч восемьсот евро) в отношении каждого в отношении Селима Орхана и Хасана Орхана в качестве компенсации морального вреда, какие суммы должны быть переданы заявителю в доверительное управление по каждому из их имений;
 - (c) 8 000 фунтов стерлингов (восемь тысяч фунтов стерлингов) в качестве компенсации материального ущерба и 14 900 евро (четырнадцать тысяч девятьсот евро) в качестве компенсации морального вреда в отношении Чезаира Орхана, эти суммы должны быть переданы заявителю в доверительное управление его имуществом;
 - (d) что простые проценты по годовым ставкам, указанным в пункте 457 выше, подлежат уплате с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты;
11. Принято шестью голосами против одного.
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение вышеупомянутых трех месяцев на указанный им банковский счет в Соединенном Королевстве в качестве возмещения расходов и издержек 29 000 фунтов стерлингов (двадцать девять тысяч фунтов стерлингов) без учета любого налога на добавленную стоимость, который может взиматься, и за вычетом 2 455,29 евро (две тысячи четыреста пятьдесят пять евро и двадцать девять центов, подлежащих конвертации в фунты стерлингов на дату расчета), причем последняя сумма была получена в юридической помощи от Совета Европы; и

(b) что простые проценты по годовым ставкам, указанным в пункте 457 выше, подлежат уплате с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты;

12. Отклоняет единогласно остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и уведомлено в письменной форме 18 июня 2002 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Майкл О'Бойл
Регистратор

Элизабет Ладонь
президент

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда особое мнение г-на Гельджюкю прилагается к настоящему решению.

ЭПМОБ

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЁЛЧЮКЛЮ

(Перевод)

К моему большому сожалению, я не могу согласиться с некоторыми выводами большинства, которые непосредственно касаются существа дела.

I. Установление фактов и процессуальные действия

1. В параграфах 266 и след. решения, большинство критикует – в выражениях, обычно не используемых Судом, – должен с сожалением сказать – отношение и поведение государства-ответчика в то время, когда институты Конвенции собирали доказательства, и на этом основании делает юридические выводы. относительно существа дела. По мнению большинства, Правительство-ответчик не ответило должным образом, то есть в надлежащей форме и в соответствии с пожеланиями органов Конвенции, на неоднократные запросы этих учреждений о документах, информации, вызове свидетели и т. д. Правительство, например, не представило полного и подробного досье о рассматриваемых военных операциях для целей состязательного рассмотрения дела. По мнению большинства,

2. Во-первых, это дело касалось необходимости противодействия резкому и массовому всплеску терроризма (как отмечало само большинство), а в большинстве случаев такого рода заблаговременно готовится очень немного. Почти все импровизируется в последнюю минуту в соответствии с требованиями обстановки того времени и военными императивами, обычно связанными с «вопросами безопасности» или «военными секретами». Так что этот случай не рядовой, банальный. Никакого «генерального боя», проведенного по заранее установленному плану «с документальным подтверждением всего», не было.

На открытых слушаниях по делу Агент ясно заявил, что его правительство добросовестно представило для изучения учреждениям Конвенции все доказательства, которыми они располагали, и что если чего-то не хватало, то это, по всей вероятности, было результатом трудностей, присущих такого типа дела и длительного периода времени, прошедшего с момента рассматриваемых событий.

Если это так, то уверены ли большинство, что государство-ответчик скрыло определенные факты, наносящие ущерб их делу, и тем самым воспрепятствовало выяснению истины?

Следовательно, я не могу согласиться с мнением большинства относительно установления фактов, их толкования и сделанных из них выводов.

II. Применение статьи 2

3. В пункте 310 решения большинство пришло к следующему выводу о судьбе Орханов после того, как они были замечены в Гюмюссую: «По мнению Суда, невозможно установить в соответствии с требуемым стандартом доказывания, где содержались Орханы. после того, как их видели в Гюмюссую в руках силовиков». Это домыслы и необоснованные предположения большинства. Если предыдущие параграфы, посвященные фактам дела, изучить с тем вниманием, которого они заслуживают, то там нельзя найти ничего, подтверждающего это утверждение. Когда большинство говорит: «Невозможно установить... где были задержаны Орханы после того, как они были замечены в Гюмюссую в руках силовиков» (курсив мой), они напрасно предполагают, что они продолжали находиться под стражей. после этого задержан.

4. Противоречие между «оценкой Судом представлений сторон и доказательств» и выводом, сделанным в вышеупомянутом пункте 310, очевидно. Что верно, так это то, что «невозможно установить в соответствии с требуемыми стандартами доказывания, что случилось с Орханами после того, как их видели в Гюмюссую». Действительно, об этом свидетельствует собственное признание большинства в пункте 316 постановления о том, что «факт остается фактом: единственным доказательством того, что Орханы действительно содержались под стражей в отделениях жандармерии Кулпа или Личе или в школе-интернате Личе, являются слухи. Суду не было предоставлено никакой дополнительной информации об [Эшрефе]. ... Это косвенное свидетельство, несмотря на сильные подозрения, которые оно вызывает,

5. Если не установлено, что Орханы были задержаны жандармами после того, как их в последний раз видели с солдатами, то как можно утверждать, как это делало большинство, что следует исходить из того, что они погибли в результате непризнанного задержания? силовиками, и, таким образом, прийти к выводу, что имело место нарушение статьи 2. Рассуждения такого рода, по моему мнению, противоречат всякой элементарной логике и, следовательно, неприемлемы для меня.

6. Короче говоря, это дело касается не более чем непризнанного исчезновения, единственной применимой нормой к которому является статья 5 Конвенции в соответствии с постановлением Курта от 25 мая 1998 г., а не статья 2, как считало большинство. В решении по делу Тимурташ против Турции от 13 июня 2000 г. Суд ошибочно применил статью 2 на основании ряда предполагаемых различий между этим делом и делом Курта (чтобы не быть обвиненным в изменении прецедента, твердо установленного решением по делу Курта).)

и путем введения предполагаемой «презумпции смерти». Дело Орхана идентично делу Курта, как и дела Тимурташа и Акдениза. Хотя люди и места изменились, суть дела не изменилась. Для целей применения статьи 2 презумпция, которая представляет собой не более чем предположение, недостаточна. Поскольку смерть соответствующего лица не доказана вне разумных сомнений, как в данном случае, статья 5 имеет преимущественную силу. В этой связи я ссылаюсь на свое подробное особое мнение по вышеупомянутому делу Тимурташа и ограничусь здесь еще одной ссылкой на пункты 108 и 109 решения по делу Курта:

«В этой связи следует отметить, что дело заявительницы полностью основано на презумпциях, выведенных из обстоятельств первоначального задержания ее сына, подкрепленных более общим анализом предполагаемой официально допускаемой практики исчезновений и связанных с ними жестокого обращения и внесудебных убийств задержанных в государстве-ответчике. Суд, со своей стороны, считает, что этих доводов самих по себе недостаточно, чтобы компенсировать отсутствие более убедительных указаний на то, что ее сын действительно встретил свою смерть в заключении...

Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд считает, что утверждения заявительницы о том, что государство-ответчик не выполнило своего обязательства по защите жизни ее сына в описанных обстоятельствах, подлежат оценке с точки зрения статьи 5 Конвенции».

III. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителя

7. В деле Курта Суд постановил, что в случаях непризнанных исчезновений безразличие к жалобам заявителя, проявленное национальными властями, которым поручено проведение эффективного расследования, может при определенных обстоятельствах (см. также решение Чакычи от 7 июля 1999 г.) представлять собой нарушение статьи 3 в отношении заявителя, но без установления общего принципа по данному вопросу. Однако в недавнем деле Акдениз против Турции, которое почти идентично делу Орхана (см. Постановление от 31 мая 2001 г., § 102), Суд, не установив конкретных обстоятельств, постановил, что нарушения не было. статьи 3 в отношении заявителей. Аналогично, в данном случае

IV. В отношении нарушения статьи 13

8. Я считаю, что если Суд устанавливает нарушение статьи 2 в ее процессуальном аспекте, как это сделало большинство в настоящем деле, не возникает отдельного вопроса по статье 13, поскольку установление нарушения статьи 2 требует

в связи с тем, что после инцидента не было проведено ни эффективного расследования, ни удовлетворительной процедуры. Для получения более подробной информации по этому вопросу я ссылаюсь на свое особое мнение в решениях по делам Эрги против Турции, Аккоч против Турции и Таш против Турции. Та же аргументация должна применяться в отношении предполагаемого нарушения статьи 13 в сочетании со статьями 3, 5 и 8 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1, помимо вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты.

V. Применение статьи 41

9. Вышеприведенные соображения освобождают меня от рассмотрения применения статьи 41 в ее различных аспектах. Однако должен отметить, что эта часть приговора далека от ясности и убедительности и противоречит правовой логике. Некоторым лицам, в том числе заявителю, присуждаются суммы по разным статьям за одни и те же факты в отношении их неженатых сыновей, «считающихся умершими».

10. Я также оспариваю любые платежи Курдскому проекту по правам человека, ассоциации, базирующейся в Лондоне, в отношении затрат и расходов на их помощь в этом деле.

Помимо платы за перевод, Суд до сих пор всегда отклонял эти постоянно повторяющиеся требования (см. следующие решения: Курт против Турции, 25 мая 1998 г., § 180; Салман против Турции, 27 июня 2000 г., § 143; Ильхан против Турции), 27 июня 2000 г., § 116; Чичек против Турции, 27 февраля 2001 г., § 209; Берктай против Турции, 1 марта 2001 г., § 219; Шарли против Турции, 21 мая 2001 г., § 93; Таш против Турции, 14 ноября 2000 г., § 106; Аккоч против Турции, 10 октября 2000 г., § 109; Авшар против Турции, 10 июля 2001 г., § 448). Указав причины отказа, Суд ограничился заявлением либо о том, что ему не были предоставлены подробности «точной степени участия этой организации в подготовке дела» (см. требования в отношении КПЧ [были] неизбежно понесены» (см. вышеупомянутое дело Салмана). Обрывки объяснений, данных по этому вопросу, действительно были очень уклончивыми. Суд был тем более требователен в этом вопросе, что он осознавал, что ассоциация, работающая в области защиты прав человека, должна была оказать помощь безвозмездно. За исключением платы за перевод, расходы, понесенные в отношении этой организации, не должны были быть добавлены к общим судебным издержкам, таким образом представив КНР как сторону в разбирательстве.